

Максим Евсеев

Стеклоянное
солнце

Максим Сергеевич Евсеев

Стеклоанное солнце

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63954896

SelfPub; 2021

Аннотация

Убеждения бывают разные, порой самые радикальные. Именно о таких и поведают вам страницы данной книги. Их носитель – молодой человек, потерявший когда-то родителей и ненавидящий всех вокруг себя. Только вот ему через многое предстоит пройти, чтобы понять – дело в нем самом. Рассказ о самых искренних и теплых чувствах, которые отрицает главный герой. И тем не менее, они постоянно рядом с ним, опекают его, придают сил. История о том, как люди приносят себя в жертву ради того, чтобы один человек понял, что его дорога ведет в никуда.

Содержание

Предисловие	5
Часть I	6
"Наследие предков"	6
Часть II	115
"Разговор с мудрецом"	115
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Максим Евсеев

Стеклянное солнце

Стеклянное солнце

"Когда за вами придут -
вы знаете, что нужно делать"

Евсеев М. 2020

Предисловие

Приступая к этой книге, читатель, не забывая о том, что она не ставит перед собой задачу оскорбить чьи-либо чувства или идеалы. Не служит эпиграфом к насилию или призывом к уничтожению. Автор данного произведения понимает провокационность тем, раскрываемых в своем творении и ни в коем случае не разделяет их. Это произведение, читатель, пища твоему мозгу, капля самобытной мысли, которую можно как принять, так и отвергнуть. Призываю отказаться от обвинений в сочувствии или симпатии к запрещенным в нашей стране идеологиям или критиковать за объект выбора темы. Это – творческое право человека, которое есть и у тебя, и у твоих родных, близких, у всех. Главная нравственная задача, которую преследует автор – соблюсти баланс между симпатией и нелюбовью ко всему представленному в произведении. А фобия многих людей – неонацизм, пускай останется на этих страницах и не выходит за их пределы. Только в таком случае я смогу высказать все, что хотел, предельно ясно и четко. Напоследок предисловия скажу, что "Стеклянное солнце" – это не призыв и не методичка, а художественное произведение, призванное ознакомить читателя с жизнью людей, чьи взгляды не разделяются общественным большинством.

Часть I

"Наследие предков"

Глава 1

Андрон Романович Цапф сидел в гостиной своего дома и читал любимый цикл книг об изучении языков мира. В этом, безусловно полезном цикле, говорилось об особенностях речи коренных народов русского севера, Африки, племен Латинской Америки и многих других интересных представителей планеты Земля. Неторопливо потягивая чай, Андрон Романович размышлял о том, в чем разница между народами Якутов и Чукчей. Как они отличают друг друга и где обитают. Довольно интересный вопрос для подкованного интеллектуала с выточенными годами вниманием и усидчивостью.

В этот же момент с улицы перед фасадом его дома послышался какой-то крик. Поначалу шум не вызвал интереса у сидящего перед обогревателем Цапфа. Но затем крик усилился так, что задрезжал подоконник. Странный голос отдавался в ушах.

– Снова эти черти. – Проговорил с легким польским акцентом Цапф.

– Что кричат? – Со смешком из кухни послышался голос жены, Маргариты Ивановны Цапф.

– А кто их знает, бусинка моя!

Андрон Романович неторопливо встал с кресла и поставил кружку на стеклянный столик возле себя. За день работы он сильно устал и сейчас, в полдесятого вечера, как раз перед сном, хотел отдать себя на часок-другой любимому журналу, попутно осваивая культуры и языки разных народов.

За окном на улице шел небольшой дождь, город накрыли сумерки. Но синеватое небо позволяло видеть еще очень хорошо. Цапф отодвинул в сторону шторку и потянул за ручку стеклопакета.

– Что на этот раз, господа нетерпеливые?

Цапф, с одной стороны, был насторожен столь частыми визитами незваных гостей, а с другой веселился от их беспомощности перед ним.

В 5 метрах от дома, прямо на дороге, стояли двое. Один рослый и весь в татуировках, второй чуть поменьше, лысенький. Он и заговорил, постоянно спотыкаясь в речи.

– Ты к-когда уже с-свалишь с нашего г-города?

Цапф усмехнулся.

– Я тебя в четвертый раз уже вижу, ты пластинку-то смени, сосунок зигующий.

Фраза, по-видимому, задела второго, татуированного.

– За речью следи, жид, тебе еще на прошлой неделе было сказано, чтобы ты собирал свою барахолку и валил отсюда. Почему ты все еще здесь?!

Вызов, с которым говорил амбал, подействовал на Цапфа

ободряюще. К своим 46 годам он был научен горьким опытом столкновения с подобными гопниками, в них он видел себя. Давно это было, 25 лет назад.

– Да ну вас, убирайтесь-ка вы сами. Мой магазин, равно как и меня с моей семьей оставьте в покое. – На этом моменте он решил пожалеть юных дураков и иронично заговорил. – Ну зачем вам эта свастическая дурь? Умер Гитлер давно уже и не будет никакого четвертого рейха, идите лучше работать да детей воспитывать.

Цапф закрыл окно и занавесил шторку, которая теперь надежно ограждала его от вида молодых беспредельщиков. Господи ты боже мой, он потерял драгоценных три с половиной минуты на каких-то хулиганов вместо того, чтобы посвятить время на действительно полезное дело.

Из кухни показалась Маргарита Ивановна и вынесла небольшую чашку чая, сыр в серебристом блюде и вино. Любимое вечернее сочетание Цапфа выглядело очень аппетитно.

– Благодарю.

Он поцеловал нагнувшуюся к нему жену в губы и снова углубился в мир букв на сероватой бумаге. Фонарь на люстре освещал эти буквы и впивался всеми свои лучами в каждый метр пространства комнаты, заставленной старинными шкафами, столами и прочей мебелью с многолетним стажем службы. Свет не доставал разве что до окна, за которым буд-то их и не было, растворились эти двое.

Камин трещал своим сладким теплом, Андрон потягивал вино и закусывал его сыром. В такие минуты начинает казаться, что жизнь дарует тебе все, что ты хочешь. А хочешь на самом деле немного.

"Чукчи для защиты от холода строят зимой убежища из льда..." – На этой фразе Цапфу пришлось прерваться, так как в дверь с огромной силой постучали. Два мощных удара в крепкую дубовую услышали все в доме, в том числе уже готовившиеся ко сну дочери Андрона: Ксения и Марина. Одной недавно миновало 18, вторая готовилась через месяц встретить 16-летие. Они обе стояли на пороге своих комнат в ночнужках и удивленно смотрели на отца, спешащего отпереть массивную деревянную дверь.

– Кто там?

– Андрон, открой, это я, Жека, у тебя из лавки шум какой-то, бутылки бьют!

Дверь отворилась моментально и на пороге показался рослый мужчина в дождевике. Его беспокойный вид пугал и отталкивал от себя, но делать было нечего.

– Говори. – Легкий акцент еврея на этой фразе всплыл во всей красе, коверкая букву "р" от всей души.

– Двое каких-то парней вскрыли магазинчик и орудуют там, я уже ментов вызвал...

Цапф не дал договорить своему нетерпеливому и падкому на происшествия соседу и, громко матерясь по-польски, скрылся в глубине дома. Через полминуты его прекрасно

сложенная фигура в домашнем халате показалась с массивной двустволкой. Андрон зарядил охотничье ружье на ходу и в одних только тапочках выбежал на улицу.

Жена с дочерьми стояла в дверном проеме, удивленная и напуганная, она заставляла Ксению с Мариной пойти спать, но те, не менее встревоженные, отказывались подчиняться. Тогда Маргарита Ивановна применила свой излюбленный метод воспитания. Она пригрозила им обоим домашним арестом за непослушание. Это возымело свой эффект. Девочки не хотели проводить все дни в компании одних только книг и познавательных телепередач.

Тем временем Андрон перебежал улицу и подошел к своему винному магазинчику "Варсови". За ним походкой крысы, пригнувшись бежал сосед. Тому сильно не терпелось увидеть, что произойдет дальше и насладиться тем, какой оборот примут события. Вдобавок в голове у себя он играл на тотализаторе, делая ставку на шустрых антисемитов-нацистов. Рано или поздно, по его мнению, это плохо кончится для "треклятого жида".

– А ну отошли, гады!

Андрон стоял с ружьем наперевес и внушал твердость и какое-то подобие трепета. Лысый застыл на месте, одергивая амбала. Тот же не обращал никакого внимания на вошедшего хозяина лавки и продолжал размахистыми движениями собирать бутылки с полок и крушить их на пол. Последовал предупредительный выстрел по верх голов наруши-

телей... Амбал приостановился, остальные схватились за голову от шума. Только Цапф сохранял хладнокровие.

– Еще одна бутылка и тебе будет больно... Гарантирую.

Рука амбала потянулась к бутылке дорогого вина марки "Овертюр" и уже пальцами коснулась ее, как Цапф сделал шаг вперед и расстояние между ним и хулиганом сократилось до трех метров. Промahnуться с такой дистанции очень трудно.

– Я не хочу стрелять, но в этот раз вы перешли всякие границы. Когда вы подошли к моему дому на 5 метров, я стерпел, когда вы начали оскорблять меня, я стерпел, когда в прошлый раз вы коснулись меня... Я снова стерпел, но в этот раз вы решили уничтожить то, что мне очень дорого. Здесь я не стану молчать.

Андрон целился прямо в голову лысого, но пальцы его дрожали. Он рассчитывал твердым словом взять нарушителей на абордаж и очень внутренне удивился, когда осознал, что трюк не получился.

Лысый потянулся за ножом. Сосед Цапфа, видя напряженность всей ситуации, скрылся в глубине магазина, прислонился к бутылке первого попавшегося шампанского и стал наблюдать.

Сирена подъехавшей патрульной машины разрядила обстановку. Через полминуты напряженного молчаливого ожидания в магазин вошли двое полицейских с оружием. В руках блестели пистолеты. Вид у них был очень уставший,

но донельзя серьезный и опасный.

– Андрон! Опустим ружье, сейчас мы их упакуем.

Цапф послушался и поставил двустволку на предохранитель. Сзади по плечу его похлопал капитан и улыбнулся.

– Как услышал о том, где погром, сразу сам сюда и поехал.

– Спасибо, Макс, без тебя бы я бы их точно тут убил.

Цапф поставил ружье на пол и пространно стал осматривать нанесенный его имуществу ущерб. Одинокая слеза покатила по щеке еврея. Посягнуть на дело последних долгих лет его жизни, на вино, невиданная дерзость и бардак.

Второй полицейский достал из кобуры пистолет и приказал нарушителям сложить руки за головой. Капитан помог ему пристегнуть наручниками их обоих и посадить в машину. Лысый не сопротивлялся, на его лице можно было прочитать досаду и беспомощность. Второй же, татуированный, постоянно плевался в стражей правопорядка, заставляя их тем самым нервничать.

– Андроша, мы их сейчас в участок, потом за тобой. Может хоть в этот раз ты напишешь на них заявление. Там, в конце концов, бутылок 50 они разбили точно, а это тысяч на 300 тянет.

Цапф все время стоял и краснел. При виде разбитого стекла любимых бутылок его бросало в дрожь. Он еще раз бросил взгляд на бесчинства хулиганов и скрепя зубы ответил:

– Можно конечно, а вдруг они не оплатят, вдруг еще что-то. Может они вообще дети чьих-то влиятельных родителей...

– Брось, Андрон, обычные беспредельщики с обычной внешностью и послужным списком, родители, если они конечно есть, сами весьма обычные. Ущерб, конечно, они вряд ли возместят, ибо ничего кроме как уничтожать и рушить они не умеют, но причина тут в другом...

Капитан сделал паузу и взглянул на амбала, сидевшего вместе с лысым на заднем сиденье машины и смотревшего прямо в глаза полицейскому.

– Ну... – С ноткой нетерпеливости потребовал Цапф.

– Смотри, это они сегодня магазинчик твой вынести решили, а завтра же они за тобой придут, за Маришкой, Ксюшей. За женой твоей в конце-то концов. Давай думай, через часик заеду, пока с этими разбираюсь.

Из магазина, запыхаясь, вышел сосед. Из долгих и глубоких карманов торчали две бутылки. В темноте улицы он ушел незамеченным.

Андрон стоял как вкопанный и наблюдал за тем, как уезжает вдаль служебная "четырка". Перед Цапфом встал выбор: пойти успокоить семью или сейчас же затеять уборку и оценить ущерб. Выбор для него в данной ситуации очевиден – уборка будет завтра.

– Андроша, иди сюда. – Жена подозвала его в дом и крепко обняла. – Сколько это еще будет продолжаться? Сколько еще горя потерпим мы с этих мракобесов, а ведь у меня дед воевал...

Маргарита заплакала ему в плечо. Больше всего на свете

ей сейчас хотелось спокойствия и стабильности, а не кучи отморозков, которые спят да видят, как выдавить из города всех людей не русской принадлежности. Фразу про деда она уронила как бы случайно, пристыживая то саму себя, то мужа, то этих двоих нациков, разнесших магазин.

– Успокойся малыш, как дети?

– Спят, вроде как... – Она хныкала и улыбалась одновременно.

– Ну все, все хорошо. Сейчас я поеду и напишу на них заявление. Их посадят, а ущерб они нам оплатят.

Андрон говорил и совершенно не верил в свои фразы. За долгие годы жизни в России он привык, что всем безразлично то, стоит ли наказывать беззаконие, совершенное против иноземца. Есть отдельные люди, которым не все равно, но таких настолько мало, что они расплываются в общей массе.

– Ты уверен, что так и будет?

– ... Да.

– А сколько они побили?

– Пока не знаю, завтра, когда успокоюсь и на трезвую голову оценю ущерб, скажу, а пока иди спать. Все хорошо, все закончилось.

Андрон резко взял жену на руки, отчего та развеселилась и пошел в их общую спальню. Он положил ее на широченную кровать с куполом из занавесок, убаюкал и лег вместе с ней. Мысли тревоги все никак не покидали его.

На часах было уже 22:20, минут через 15 должен приехать

капитан и забрать его в участок. А пока что Цапф взвешивал все аргументы "за" и "против". Его неверие в российскую систему правосудия перевешивали слова капитана о том, что это будет повторяться и усугубляться. И однажды наряд полиции не успеет приехать, а может и вовсе проигнорирует вызов, если капитана не будет на месте. Ладно, он это сделает, но только из уважения к Максусу.

Зачем? Зачем им это надо? Жили бы и дальше, работали, семьи заводили. Скучно видать живется среди серых родственников и друзей. Да и что для них значат подвиги их дедов? Ничего...

Мысли Цапфа прервались глухим и осторожным стуком в дверь. Андрон, уже успевший одеться, поспешил отпереть ее и удостовериться в том, что на своей служебной машине приехал капитан.

– Ну что, решил? – С порога спросил полицейский.

– Да.

Капитан прочитал на лице Андрона это решение.

– Тогда поехали.

Глава 2

В 22:55 машина с двумя сидящими в ней людьми подъехала к одному из городских полицейских отделов, что на юге города. Моросил дождь и складывалось впечатление, что на дворе уже осень, хотя было только начало июля – самый разгар лета. Тяжелые стальные тучи и тусклый свет фонарей вводили в беспробудную бессонницу. Примерно в это же

время и предпочитал ложиться спать Андрон, никогда не меняя свой график. Но сегодня день особый и не самый приятный. Его он запомнит надолго.

Неподалеку от участка веселилась пьяная компания из трех человек. Стоя под легким морозящим дождем они на зло тучным и уставшим стражам порядка громко смеялись и разговаривали. Иногда голоса спускались на крик. Все это происходило не более чем в сотне метров от здания полиции. Те сотрудники, что постоянно находились под этим звуковым давлением даже за закрытыми наглухо окнами, ежеминутно хотели выскочить наружу и проучить болванов дубинками, чтобы те не досаждали. Отсутствие капитана на своем посту только раскрепощало их.

Они все знали здешнего начальника в лицо и ненавидели его за принципиальность, излишнюю честность и огромную тягу к построению в отделе отборной дисциплины. А самой главной претензией была невозможность применения физической силы по отношению к задержанным. Видите ли, это противоречит букве закона. Бред – думали подчиненные.

Но не все. Один из тех, кто был на посту сегодня вечером, Терентий Родной, сидел на коммутаторе, попутно разгребая тонны всяких бумаг. Синяки под глазами, ставшие хроническими, терпеливо ожидали окончания смены, которое наступит всего через час. Он здесь, в этом ободранном и засраном помещении сидит уже более 7 часов и неустанно повторяет в коммутатор одни и те же реплики, посылая наряды в разные

части подконтрольного полиции района.

На столе перед ним помимо не разобранный кипы бумаг да кружки уже остывшего чая ничего не было. Дела он решил переложить на завтра из-за сильной усталости и если бы не гундящая компашка, он бы давно заснул мирным сном прямо на службе, а почему бы и нет...

– Сержант, не спать!

Родной тут же проснулся и стал поправлять фуражку, за чем-то надев ее на голову в помещении дежурной части.

– Что-то случилось, товарищ капитан?

Сержант пока не успел понять, что происходит, вид у него был плачевный, глаза слипались, а пальцы тряслись.

– Заявление прими, мы тут уже минут двадцать находимся, успел сам все оформить, ты просто прими и передай куда нужно, хорошо?

– Так точно...

Голос капитана бодрил, звучал по-отечески. Командир сиял обезоруживающей улыбкой и от ней вялый Терентий тоже непроизвольно заулыбался неестественной от усталости гримасой.

Сил сержанта хватило только на то, чтобы начать читать заявление гражданина Цаффа Андрона Романовича, в котором тот просил возбудить уголовное дело против двух нарушителей, со взломом проникших в его магазин и принесших значительный материальный ущерб.

"Мелочь" – подумал Терентий и хотел было снова подста-

вить локоть для того, чтобы удобно на нем закрыть глаза, как его разбудили сразу два происшествия.

Шум за окном еще можно было стерпеть, но вот крик сидящих в дальнем конце коридора задержанных нет.

– Эй, дежурный, ты гей?

Голос насмешливо издевался над ним, над молодым 23-летним сержантом, поступившим сюда работать после академии год назад. Сон это конечно перебило, но не могло всерьез разозлить полуспящего уставшего человека. Он промолчал, а голос продолжил:

– Давай я тебе пятеру дам, а ты подойдешь и откроешь дверцу, скажешь потом, что тебе попались выпускники Хогвартса.

Голос, смешной и грубый, хохотал от души, к нему присоединился и второй.

– Малышка, иди к нам, пятюню отработывай.

Снова смех, Терентий понемногу закипал. Не в его характере было насилие, даже мысленное, в конце концов работа хоть и нервная, но держать себя в руках надо.

– Челик, а ты знал, что твой дедушка убивал тех, кто во-евал за мир?

Странная смена понятий и тона, для Терентия подобный вопрос показался очень сложным, слипающиеся глаза не давали мозгу обработать информацию. В голове только промелькнула мысль схватить дубинку и расправиться с двумя наглыми возмутителями порядка, что являлось для его мяг-

кого характера довольно непростым делом. Да и капитан, все же, не одобрил бы такое. А там увольнение, возможно еще одно дело, только уже против него. Ну уж нет.

Родной вышел из своей коморки дежурного и направился вдоль коридора к последней камере справа. Он видел этих двоих, когда их доставляли, но не обратил должного внимания по причине сонливости. Сейчас же его действия были полностью подчинены разуму и отпечатаны ясностью мыслей. Он не спеша подошел к камере, достал ключ и всунул его в замочную скважину. Удовольствию его не было предела. Освещение в камере, как и во всем коридоре первого этажа отдела полиции, было скудным – по одной желтоватой лампочке на каждые пять метров пространства. Это обстоятельство играло на руку сержанту.

Двое, так сладко смеявшихся над ним, сейчас выглядели беспомощными котятками со страхом в глазах, татуированный еще мог выражать серьезный и бесстрашный вид, лысый же выглядел страшно напуганным и поспешил спрятаться за своего более рослого товарища.

Последовал удар, еще один, еще. Никто так и не понял, как Терентий сумел за доли секунды вытащить откуда-то дубинку и начать избивать ею задержанных.

Начал он с рослого амбала в два метра ростом. Тот пытался сопротивляться, но электрошокер грамотно убавлял непокорного. Словно в наркотическом трипе, вяло и не быстро, сержант делал свое грязное дело. Он возомнил себя вла-

стителем этих двух непокорных душ, богом, который наказывает провинившихся ангелов.

Наконец Родной стал ощущать брызги крови на своем лице, багровые капли стекали по униформе, а зубы скалились и пытались сжаться до излома. Крика и просьб о помощи он не замечал. Сейчас в отделе никого не было. Только он, человек с железной волей и стальными нервами способен на такое. Сержант расплылся в улыбке и посмотрел на тела. Оба просто лежали чуть ли не в обнимку, красные от крови.

Да! Это высшее наслаждение...

– Родной, мать твою, иди домой спать уже!

Капитан смеялся, рядом с ним стоял Андрон и тоже старался выдавить из себя смех, но у него ничего не получалось.

– Ты что там во сне, анашу что ли куришь, улыбался во весь рот? – Капитан засмеялся пуще прежнего.

– Никак нет, товарищ капитан, просто на 5 минут задремал под конец смены.

– Да где там 5, больше, 40 минут не хочешь? Твоя смена кончилась, сдавай да иди отсыпайся, завтра жду тебя в 10 утра.

– Так точно, товарищ командир.

– И да, этих двоих в конце оформил?

Терентий взглянул в коридор, где тихо спали двое задержанных. На его лице проявился страх, но тут же улетучился. Всего лишь сон.

– Да, товарищ капитан.

– Все, иди. Спокойной ночи, Родной.

Капитан снова засмеялся и обратился уже к Цапфу. Сержант же был ошарашен тем, что ему приснилось. Он ведь даже не мог допустить, чтобы такие мысли приходили к нему в голову. Хотя он и работал в этом мрачном и злачном от постоянного стресса месте, первостепенной своей задачей Терентий ставил хорошее обращение со всеми попавшими за решетку, ему очень важно оставаться непокорным насилию. За свою принципиальность перед другими сотрудниками отдела Терентий не был уважаем и считался белой вороной. Естественно помимо самого капитана, в отсутствие которого стражи правопорядка и позволяли себе избиение задержанных.

– Ну что, пошли что ли. – Подмигнул капитан Цапфу и они оба сели в машину.

– Время уже первый час, а ты все еще работаешь, не устает. – В глазах Андрона блестело участие, хоть по лицу расплзалась хмурость.

– Привык, за 12-то лет. Садись давай уже. Сонный тоже небось, как этот сержантик.

Морось на улице превратилась в самый настоящий дождь, компания юных алкашей исчезла, только одинокие бездомные собаки выли по своим углам. Цапф с капитаном сели в машину и поехали к еврею домой.

– А ты сам-то зачем поехал на вызов?

Повисло небольшое молчание. Машина покачивалась и

медленно плыла по течению, капли дождя гулко отдавались в ушах немного сонного Андрона. Лишь спустя минуту капитан ответил:

– А ты сам подумай, мои ребята ведь не станут напрягаться из-за этих двух гадов. Хоть они и нацики, но и ты еврей. Для них это как если бы Венера столкнулась с Марсом. Вроде бы и далеко, а триндец настанет всем. Именно этого они и не понимают.

Цапф оценил маневр капитана, особенно понравился ему неестественный для подобных размышлений мат. Капитан продолжил:

– Пока они в участке и меня нет, их будут бить. Этот сонный сержантик на дежурке не сможет, а вот остальные с удовольствием. Ты ведь представь себе, чтобы спустя 70 лет после гибели миллионов наших дедов и бабушек для уничтожения нацистской заразы, она возродилась вновь в виде таких вот ублюдков. У них нет ни прошлого, ни будущего. Они просто не знают, на что идут. Их надо бить пожестче, но я не могу, долг такой.

– Тут все гораздо глубже, Макс... Их не бить надо, а воспитывать. И этот их нацизм. Он ведь зачем-то возник. А я скажу зачем. В них нет общественной опоры. Уже в детстве они стали никому не нужны. Это не просто горстка заблудившихся подростков, это целая система по производству маргиналов.

Капитан притормозил машину. Разогнавшийся в своих

мыслях Андрон не сразу сообразил, что находится у ворот своего собственного дома.

– Они были не нужны своим родителям, друзьям, родственникам. Всем на них еще тогда стало наплевать. А отбитым черепам из четвертого рейха нет, потому что такие обиженные и пополняют ряды всяких экстремистов. В детях вскипела ненависть к обществу, кинувшего их. Месть – сладкое чувство, а еще слаще оно становится, когда прикрыто целой идеологией. Они будут преданы ей, пока не найдут более мощный аккумулятор своей ненависти. Такова их жизнь. Хочешь искоренить заразу, найди ее причину.

Снова повисло небольшое молчание, капитан настроился на более позитивную ноту и сделал шуточно вид, будто спит.

– Да брось ты. – Заулыбался заведенный от разговора Андрон.

– Ну ты и философ, читай поменьше, дураком жить проще.

Оба засмеялись и Цапф вышел из машины. Дождь теперь бил и вовсе нещадно, Андрон подлетел к двери и, достав на ходу ключ, открыл ее. Уже на пороге своего уютного зданьица он кинул взгляд на лавку "Варсови". Его любимый магазин одиноко стоял и светил ярким внутренним светом. Светом, пламя которого едва не затушили.

Настроение снова упало и вновь проступила сонливость. Он уже не помнил, как дошел до кровати, как лег на нее и уснул. Помнил только стрелки циферблата, стуком отдавав-

шиеся в его голове. Большая стрелка остановилась на 5, маленькая мелькала между 12 и 1.

Солнце поднялось над кроватью Цапфа и осветило его лицо. От массивных лучей света он начал потихоньку открывать глаза. Тело немного ломило, но он знал, что сегодня предстоит многое сделать. На часах застыло 9:20. Вставал он обычно на пару часов раньше, но сегодня все по другому.

Будильника Андрон не заводил. Сразу умылся и сел с дочерью изучать английский, который сам знал в совершенстве. Также в его языковой копилке содержались родные польский с Ивритом, немецкий и русский языки, последним из которых он пользовался наиболее часто.

Стоя перед зеркалом в ванной он изучал свое лицо. Насколько вычистил зубы, не велики ли круги под его глазами после бурной ночи. Все намекало на то, что пределы нормы не нарушены.

Телосложение Андрона, мужчины в среднем возрасте, было вполне рабочим. У него напрочь отсутствовал круглый и огромный пивной живот, который образуется у доброй доли мужского населения к этому возрасту. Вместо него был небольшой бугорок, за ним слой крепких мышц и твердых, как стальной лом, костей.

Стоит сказать, что Андрон Романович Цапф, польский еврей, обладал поистине арийской внешностью. Светлые короткостриженные волосы гармонировали с голубоватого от-

тенка глазами. Они не выделялись на общем фоне лица, но были достаточно заметны, чтобы при встрече с Андроном, взгляд падал именно на них. Лицо сбалансированное, не сухое и не пухлое. Скулы не выделялись совершенно.

Одевался он даже дома в довольно строгий, на первый взгляд, костюм. Коллекция домашних рубашек ничем не отличалась от офисных. На встречи он мог ехать в домашней одежде. Не любил галстуки, предпочитая при случае носить давно морально устаревший шейный платок.

Андрон родился в 1971 году в Лодзе. Его полусоветское-полупольское детство не отличалось чем-то примечательным, с единственной лишь разницей, что он однажды по ошибке просидел ночь в польском СИЗО по обвинению в участии в антисоветских выступлениях. Тогда ему было всего 16.

Спустя два года, в 1989-ом, Цафф стоял на баррикадах у польского парламента с уже сформировавшейся политической позицией и, что называется, топил за независимость родной страны от советского влияния. Для подкрепления своей непримиримой позиции он сразу после окончания школы пошел в армию, где оставался вплоть до 1994 года, отслужив там 5 лет.

Старший сержант Андрон Романович Цафф после демобилизации принялся активно путешествовать. В одной из своих многочисленных поездок в новую Россию он встретил Маргариту – студентку МГИМО. Ей исполнилось тогда все-

го 19, что совершенно не помешало бурному и быстрому как ураган роману. Маргарита отчислилась из ненавистного ей университета, в который ее определили родители. Их мнение о том, что дочь обязана им и должна обучаться на должность переводчика при посольстве, не интересовало саму девушку. Единственным, что привилось Маргарите после обучения, было отменное знание английского и французского языков.

Поженившись в августе 1996 года, пара стала активно путешествовать по миру, побывав в 22 странах за три года. Затем, после рождения Марины, их поездки ограничивались двумя странами – Польшей и Россией. Маргарита настояла на том, чтобы поселиться в тихом провинциальном российском городе. Так с 2010 они живут в Нижнем Новгороде.

Цапф очень любит вино. Это буквально страсть всей его жизни. Еще в армии он начал заниматься продажей напитка богов. Вблизи военной базы, что на юге Польши, росли огромные виноградники и сержант постоянно промышлял обменом алкоголя сослуживцам за деньги. Затем его идея открыть свой собственный бизнес испарилась в мечту и только переехав в Нижний Новгород он сумел наладить легальную продажу абсолютно любых сортов вина.

Спустя год он открыл производство и в родной Польше, но быстро обанкротился и в 2015 году закрыл бизнес там. Ныне его судьба неразделимо связана с Россией.

Английский продвигался неплохо. Дочери, Марина и Ксения, учили его с прилежностью и могли вполне свободно на

нем разговаривать. Девочки были очень похожи друг на друга. Двухгодичная разница в возрасте между ними практически не ощущалась. Только вот старшая дочь уже активно искала себе бойфренда, тогда как младшая еще не наигралась с куклами.

Марина была первым ребенком в семье. Она родилась в 1999 году и стала настоящим подарком для Андрона и Маргариты. Шепутная девочка все никак не могла усидеть на одном месте. В отличие от своей младшей сестры Ксении, родившейся в 2001 году, Марина всегда любила спорт и игры, связанные с движением. Отец не жалел никаких средств на развитие любимых дочерей.

Марина всегда умело манипулировала родителями. Обычно непреклонный и тактичный Цапф регулярно поддавался на уговоры старшей дочери и потакал ее шалостям. Даже сейчас Андрону понадобилось по меньшей мере 20 минут драгоценного времени, которое он так ненавидит терять, чтобы уговорить дочь помочь ему с уборкой в магазине.

Сразу после полуторачасового урока Цапф с дочерьми пошел в винную лавку, дабы оценить урон. Ущерб оказался колоссальным. Андрон снова едва не расплакался, пока собирал осколки от бутылок. Их было разбито 56 штук. От "Терра Росы" до "Каберне", от "Шардоне" до "Рислинг". Общие же материальные потери составили больше 800 тысяч рублей. А это трехнедельная выручка.

Цапф еще вчера вечером сообщил продавцу, чтобы тот

сегодня отдыхал. Субботний день, покупателей могло быть очень много, но что теперь поделать. Еще как назло какой-то хрен с горы, увидев вчера вечером, что в магазине шум, рас-трубил об этом по всем социальным сетям. Данное обстоя-тельство довольно сильно может ударить по Цапфу и его биз-несу.

– Гребаные нацики, вот зачем?

Андрон возмущенно заметал остатки стекла в совок, по-ка его дочери мыли слипшийся от вина пол. Ежеминутно от Цапфа, обыкновенно скупого на ругательства, следовали колкие фразы на Идише, который его дочери не понимали. Только так он мог уберечь их от своих эмоций, в обычное время умиротворенных.

Уже два часа Андрон расхаживал с веником и совком как в прострации и сыпал бранью в адрес тех, кто только лишь из-за его национальной принадлежности уничтожил ни в чем не повинное вино. Цапф, уже знакомый не пона-слышке с этими ребятами, продолжал до сего момента на-ивно полагать, что у этих "bastards" не хватит смелости кру-шить его имущество.

– Это же всего лишь слегка повзрослевшие дети. – С со-жалением в голосе говорил он.

Но реальность уже стучалась к нему в окна. Понятно, что так дальше продолжаться не может, этих двух надо срочно посадить. Но что дальше? Придут ведь другие, их немало бродит на белом свете.

В дальних краях сознания болталась и качалась мысль об отъезде в Польшу, домой. Но Цапф пугался ее и старался убрать ее еще дальше в себя, заколотить на сотню гвоздей и спрятать за семью замками, а еще лучше – просто удалить. Для него – прожженного участника стычек против коммунистических миазм, спасовать перед жалким неонацистским движением стало бы горьким и недопустимым поражением.

В конце концов там была огромная страна, 1/6 суши со своей мощной армией и правительством, а здесь всего лишь горстка блуждающих во тьме дураков, нашедших неустойчивую платформу для мнимых идей и идеалов.

"Нет, это лишь в крайнем случае" – говорил Андрон про себя. Если он сдастся, то никогда себе не простит. Надо стоять...

– Папа, там Лева на пороге стоит, ему можно войти?

Ксения стояла перед отцом, покорная и скромная. Она не любила тревожить отца, особенно когда он не в себе, вот и сейчас ее тихий до застенчивости голосочек с трудом отозвался в его сознании.

– Да, конечно, пусть входит.

Андрон хоть и не ждал его, но чутье говорило, что к нему сегодня обязательно зайдут. Лев Панфилов вместе со своими родителями был другом семьи и всегда приходил на помощь в самую трудную минуту.

– Здравствуйте, Андрон Романыч.

Голос Льва всегда наполнялся самой разной смесью тонов

и полутонов. Бас перемежался с тонкостью фальцета, но звучание всегда оставалось громким и мощным.

Лев показался из-за ограды прилавка, по пути он поправил пару бутылок этикетками наружу, как и должно быть в магазине. Одет он был просто. Обычные, шоколадного цвета брюки великолепно смотрелись в самом незаурядном сочетании с черной футболкой. Заметно, что человек не особо заморачивается с тем, как ему одеваться.

Обратная ситуация складывалась с его телом и отношением к себе. Курчавый, с темно-коричневыми волосами, он ходил всегда гладко выбритый. В смуглости кожи крылась его татарско-ингушская кровь, так привлекающая противоположный пол своей соблазняющей золотистостью.

На эти чары попались и обе дочери Цапфа, но если старшая пыталась еще как-то склонить Льва к себе, то младшая точно знала, что это совершенно бесполезно, так как Лев женат и уже имеет к своим 26 годам двухлетнюю дочь.

Лев поприветствовал словом девушек и улыбнулся им. С Андроном Романовичем эта процедура усложнилась дружескими объятиями.

– Привет, Лева, ты сам как, как мама?

Цапф был очень рад видеть сына своих друзей и собственного друга. Семейство Панфиловым являлись для Цапфа единственными людьми, которых в этом городе можно считать друзьями. По совместительству они были еще и соседями. Жило семейство Панфиловых чуть дальше, но их пив-

ная лавка находилась сразу справа от выхода из винной лавки еврея. Отзывчивые и добрые, они часто выручали Андруна, давая ему в долг или делаясь с ним клиентами. Таким образом у них возник союз и прибыль они делили чуть ли не пополам в виде подарков и подношений.

В одно время, пару лет назад, хотели даже объединиться и открыть общий бизнес, но из-за возникших претензий по вопросу ассортимента и главенствующего положения, решили оставить эту идею до лучших времен.

О том конфликте они уже и думать забыли, личные отношения хорошие, а о деловых лучше не вспоминать.

– Маму завтра из больницы выпишут, последствия криза закончились. А у вас вчера тут феерия была, отец рассказал.

– Как видишь, двое каких-то нациков снова наведались и разбомбили тут все.

Цапф шепотом выругался так, чтобы дочери не слышали его и продолжил диалог. Лев же легонько улыбнулся.

– Рассказывал я вам как-то о друге, который к этим подался. Вот так можно потерять человека, даже когда тот жив-здор.

Лев опустил голову и задумался на мгновение о чем-то своем. Затем продолжил тем же беззаботным тоном:

– Вы скажите прямо, помощь нужна? С деньгами там, еще с чем-нибудь. У меня как раз выплата послезавтра за один классный проект, так что тысяч 50 смогу одолжить.

Тронутый такой заботой, но по-немецки гордый, Цапф хо-

тел было отказаться. Да вот заиграла еврейская нотка.

– Не откажусь, честно, мне сейчас любая помощь пригодится. А так с уборкой мы закончили, так что ты припозднился.

Никто бы из них и не посчитал это упреком, но Лев, до невозможности сентиментальный, поспешил извиниться.

– Простите, я просто буквально 10 минут назад приехал из другой части города. Как узнал о происшествии, сразу к вам.

– Да не извиняйся, все хорошо.

Цапф окинул взглядом своих дочерей. Их глаза были обращены на жилистые руки парня. Взгляд шальным ветром гулял по области чуть ниже пояса. Скромность младшей улетучилась на секунду. Этого хватило, чтобы Андрон все понял.

– Лева, я потом к тебе забегу, нам бежать пора, хорошо?

– Разумеется, я тогда к своим, давненько их не видел.

Все вместе они вышли из магазина. Лев попрощался с семьей Цапфов и каждый пошел своим изрытым и заезженным донельзя маршрутом. Цапфы – домой, а Лев к родителям.

Глава 3

Панфилов шел легко и непринужденно, заставляя заметить себя всех девушек, которые проходили мимо него. Яркое солнце подчеркивало красоту его кожи, он светился от внутренней силы, которой обладал.

Кто он по жизни? Тренер по фитнесу? Пловец? Лове-

лас-подкаблучник?

Нет, Панфилов был самым обыкновенным работником в IT-сфере, где неплохо преуспел. Он занимался разработкой и продажей сайтов, починял компьютеры, телефоны, планшеты. Этого всего вполне хватало на жизнь вместе с семьей – женой Натальей и дочерью Анастасией.

Лев наступил в лужу и от неожиданности его тело накренило вперед. Ситуация, которая претендовала на неудобство, обратилась в миг для Льва хорошим поводом посмеяться над собственной неуклюжестью и слабым зрением. Очки он сегодня не взял, а его -3 не позволяли ему отделить небольшую мусорную кучку от лужи.

– Сынуля, привет!

Прямо на пороге дома его ласково встретил отец. Совершенно улыбочивый и позитивный, он всегда находился с сыном на одной волне. Без лишних слов помог тому убрать обувь и против его воли поднес собственноручно приготовленный пирожок.

– К маме заходил?

– Да, сказала, чтобы не готовились к ее приезду. – Лев засмеялся, отец тоже приподнял уголки губ, но только с шутивным ехидством.

– Выгонит нас отсюда наверно, увидев прием, который мы готовим.

Отец, Антон Антонович Панфилов, достал из своего старого портсигара старую потертую фотографию с изображе-

нием какой-то женщины и с грустными нотками в глазах посмотрел на нее. Смуглая татарка лет 20 со стройным станом. Светлое летнее платье, под которым дышало молодое и горячее тело, покрытое юностью. Ее черно-белые глаза отвечали на взгляд своего мужчины ласковой и веселой улыбкой.

– Пап, да брось ты. Твой 1981 не вернешь, молодость там и осталась, к сожалению.

Антон Антонович выдохнул и перевел тему в более реалистичное русло.

– Лева, а что там у Андрона случилось-то? Я хотел ему вчера вечером набрать, но мне ответила его жена и сказала, что его нет и бросила трубку.

– Да там... Магазин его, в общем, разнесли.

В 60-летних глазах старика проступила легкая тревога. Будто он услышал гром среди ясного неба. Неверие слуха в услышанное подкрепилось неуверенностью в устах.

– А как....

Антон Антонович застыл, долго думал над вопросом, который хотел задать сыну. Спустя минуту он, наконец, спросил:

– Что же он мне не сообщил?

– Вот тут ты с ним сам разговаривай, пап, я не знаю.

Из коридора поплыла музыкой мелодия звонка в дверь.

– Наташа пришла, пойду открою.

Антон Антонович сидел за столом и смотрел в одну точку, пока сын открывает двери, в его старческой голове с трудом

откладывался факт, что зараза, побежденная когда-то, возвращается вновь с новой, пугающей и странной силой.

– Здравствуйте, Антон Антонович. – Басисто сказала Наташа.

– Деда, привет! – Вторила ей маленькая девочка.

Высокая девушка-блондинка обняла старика, следом за ней ее дочь. Наташа была под стать своему мужу. Лишь слегка уступала ему в росте и телосложении. Крепкая, мускулистая и сильная, она сама будто мужчина снаружи. Но внутри нее теплился огонь совсем другой силы.

– Здравствуйте, мои дорогие, как добрались?

– Сносно. – Ответила угрюмо Наташа. – Вы когда уже в садик ее сводите?

Речь шла о небольших расхождениях деда со своей невесткой. И если он к ней относился по-отечески, игнорируя местами колкие и дерзкие выходки сыновьей жены, то мать Льва не могла терпеть ее нахождение в доме и когда слышала о приезде Наташи, уходила во внутренний двор и занималась там известными только ей делами.

Лев не стал вслушиваться в диалог двух не совсем ладящих между собой родственников. Вместо этого он пошел играть с дочерью, которой в прошлом декабре минуло 2 годика.

– Пуговка моя, у меня для тебя подарок.

Голубоглазая девочка с курчавыми светлыми волосами с живым интересом посмотрела на папу и улыбнулась. Он всегда держит от нее что-то втайне, а затем раскрывает все. Это

излюбленный трюк Льва.

– Папа, а что там у тебя?

– А вот, иди за мной!

Отец с дочерью ушли в свой волшебный мир поисков и маленьких тайн, особенно они любили это делать, когда Наталья была не в духе. А не в духе она находилась очень часто. Если вдруг дочь разбила случайно кружку, виноватым в этом всегда становился Лев. Если же дочка немного капризничает и визжит во время игры, значит дело братья за ремень...

Папа повел дочь в сторону кухни, обклеенной всевозможными газетами и постерами из 70-ых, 80-ых годов. Лев думал, как удивить дочь, ведь никакого подарка у него сейчас не было. Девочка же полностью отдала себя тому, что произойдет в ближайшую минуту.

– погоди, закрой глазки. Папа сейчас достанет подарок.

Девочка покорно закрыла глаза руками. Но такова суть натуры шалунишки, что она всегда оставляет между пальцами зазор, из которых смотрит на то, какой же папа достает ей подарок.

Лев знал, что девочка смотрит на него, он привык к этому и не одергивал ее. "Незачем" – думал он, подарок все равно всегда прятался за его широкой спиной. Девочка же никогда не знала, что ее ждет. Сейчас же Льву приходилось как-то выворачиваться. Если он срочно не найдет для нее подарок, она может обидеться на него.

Сентиментальная натура Панфилова не могла позволить

обиды, мозг его напряженно думал, что же сделать, глаза бегали по помещению в поисках подходящего предмета.

– Почему ребенок без обуви?

Высокий тон голоса жены, едва не переходящий в крик, напугал ребенка. Впрочем, маленькая Настя к нему привыкла и поэтому испуг закончился через секунду. Просто сказка прервалась, закончилась, теперь нескоро папа ее продолжит.

– Наташ, ты чего, пол теплый, персик не жалуется.

– А я что ли жалуюсь? – С предьявительным тоном продолжила Наталья и подняла девочку с пола. – Скажи своему отцу, чтобы он постелил сюда ебучий ковер.

На предпоследнем слове Лев внутренне вскипел. Он никогда не осмеливался в открытую идти против жены, особенно при ребенке. До этого момента Наталья уже не раз позволяла себе мат в присутствии маленькой Насти, но она никогда не делала это в доме родителей.

Лев подошел к жене и нежно взял у нее из рук ничего не понимающего ребенка.

– Сейчас, малыш, мы прогуляемся до игровой, хорошо? Мне нужно поговорить с мамой.

– Мама опять злая, да?

– Да, пуговка, мама опять злая.

Они проходили мимо Антона Антоновича. Дедушка лежал на своей кушетке и смотрел в потолок. Рядом с ним на столике стояла пачка "Валокордина". Издалека могло даже показаться, что он лежит мертвый. Только лишь по шевеля-

щемуся вверх-вниз большому округлому животу Лев понял, что отец просто лежит и отдыхает.

В такие минуты, особенно после нервного напряжения, Антон Антонович всегда находится в лежачем положении с закинутыми наверх руками. Так он успокаивает нервы и приводит в порядок своего дряблкое восприятие. Антон Антонович, как и его сын, никогда не ругался с Наташей в открытую. Они оба знали, что в итоге их все равно выставят неправыми.

"Опять она его довела своим садом." – Подумал про себя Лев.

Девочка шепотом спросила:

– Пап, а он живой?

– Живой, солнышко, только вот ему отдохнуть надо. Не трогай его пока.

Лев опустил дочь на пол в детской комнате, специально оборудованной под девочку и, заметив ее неуверенный вид, шутливо пригрозил:

– Если дедушку потревожить, то тебя возьмут за платяш-ко и унесут в свою страну страшные чудища-бабайки. Там они буду смеяться над тобой и говорить, что ты маленькая.

Шутливые угрозы подействовали на девочку своеобразно. Она закрыла личико крохотными, как монетки, ладошками и спряталась за игрушечного львенка. Никаких звуков она старалась не издавать.

– Ладно, скоро я приду и мы поедем, а пока поиграй тут и никуда не выходи.

Лев приставил палец ко рту, показывая знак тишины, девочка повторила его жест и тихонько достала из открытого шкафчика плюшевого единорога.

Чтобы отгородить ребенка от жены, он плотно закрыл дверцу так, что без внушительного шума ее было не отворить.

– Лева, скажи ей, что я завтра Настю в садик отведу.

Антон Антонович слабым, сильным от напряжения голосом обращался к сыну.

– Хорошо, пап. Только вот не стоило ей поддаваться.

– Себе это скажи. – Слабым смешком старик упрекнул сына.

Наталья стояла на кухне и набирала чей-то номер на своем отнюдь не стареньком смартфоне – подарке Льва ей на день рождения. Сам Панфилов не стал тревожить жену и вместо этого направился в "Памятную комнату".

Это помещение было своего рода олицетворением истории семьи Панфиловых, кладовой памяти. Время здесь могло сжиматься, ускоряться, делать пике и даже идти вспять. В детстве Лева часто любил проводить здесь время. Усидчивость, свойственная ему и спокойствие, прививалось именно здесь – в хранилище истории.

На деревянном панно в рамках ютились семейные фотографии деда и отца. За каждой из которых стояла ценная семейная реликвия. Исторический предмет, ставший достоянием маленькой и небогатой, но гордой семьи. Бабушкин

браслет, военная фляга прадеда, удочка друга семьи сталинских времен, проржавевший от времени замок от первого гаража семьи. Лев задержал на нем свое внимание.

За более чем полвека, а именно столько было этому массивному замку, он сильно попортился, стал хрупким и перестал блестеть. На задней его стенке было выбито стальными буквами: "ГОСТ №334590 от 13.12.1959". Тогда его дед купил себе "Победу" и ездил на ней. С наступлением 90-ых ее пришлось обменять на два массивных мешка картошки. Только замок хранил теперь память об автомобиле.

Больше всего предметов принадлежало к времени Великой Отечественной Войны. Самая больная точка семьи, на которой с жизнью попрощались многие родственники, в том числе и прадед Льва. Фуражка, красная звезда, награды "За освобождение Смоленска" и за "Оборону Москвы" и многие другие. Все это было чем-то более ценным, нежели просто антикварные предметы.

И Леву учили беречь это. Он понимал, что скоро станет хранителем памятной комнаты и того, что в ней хранится. Отец с дедом неустанно твердили ему о важности памяти, о том, с каким трудом доставались им и их предкам находившиеся здесь предметы. Он сам может вносить сюда что-то новое, но ни в коем случае не должен забирать, каким бы тяжелым не было время.

Каждая полка хранила в себе артефакт прошлого. Будь то черно-белая фотография прадедушки, стоявшего с ППШ на-

перевес, или же натертая до блеска столетняя сковорода прабабушки. Особенно Лева любил тогда осматривать два ружья, висящих за ремешки прямо напротив входа в просторную памятную комнату.

Ружья эти регулярно чистились Антоном Антоновичем и держались под особым вниманием. Чуткость и любовь, которые получали эти орудия смерти сильно сказались на их внешнем виде. За почти столетнюю свою историю они получили минимум повреждений, регулярно смазывались и почитались в семье.

Единственный изъян, который имели эти трехлинейки – царапины на боку. Тем страннее, что не раз побывавшие в бою, ружья получили свои повреждения здесь, в этом помещении от рук 6-летнего Левы. Как-то раз он захотел узнать, можно ли рисовать на деревянном лацкане ружей. Эксперимент был проведен им удачно и изображение гвоздем буквы "М" на прикладах обеих винтовок осталось навсегда.

Семья Панфиловых переехала в город К. еще в 1941-ом, когда эвакуировали всех и вся. Тогда прадед Льва одним из первых записался на фронт. В дальнейшем его сын – дедушка Льва любил рассказывать внуку, как его предок прошел путь от Москвы до Минска, зацепив Курское сражение и получив сразу 4 тяжелых ранения за три года войны. Но 5-ое оказалось смертельным. Неудачное десантирование под Минском стоило Семену Алексеевичу жизни.

Отец Льва родился уже в спокойное хрущевское время. В

1961 году . Начиная с начала 80-ых и заканчивая серединой 90-ых его жизнь была тесно связана с местным пивным заводом, где он по завету отца и работал.

Еще на подготовительных курсах к этой работе в 1980 году он познакомился с Миленой – будущей матерью Льва. Волевая и сильная девушка, она сразу влюбилась в сентиментального и мягкого Антона. Спустя 4 года поженились, но детей сходу родить не получилось. У Милены были проблемы с маточными проходами. Никакое лечение совершенно не помогало.

Лишь на 7-ой год замужества произошло чудо и 10 января 1991 года родился Лев. Он остался в семье единственным ребенком и именно на него легла дальнейшая задача продолжения рода.

Счастье родителей подкреплял и сам Лев. С самого детства он был спокойным и рассудительным, редко капризничал и ерзал. А когда такие моменты случались, неподалеку со скалкой и ремнем находилась мама.

Отец же редко принимал участие в раннем воспитании сына. Он никогда не наказывал его физически за что-то, отдавая эту обязанность жене. Его воспитание началось лишь тогда, когда Леве исполнилось 9. Тогда пошли и частые рыбалки, прогулки на природе и иные оздоровительные мероприятия.

Все бы ничего, но Лев рос в 90-ые, когда им с родителями ежедневно угрожали смерть, голод, холод и безработи-

ца. Последнее явление стукнуло по ним наиболее сильно. В 1996-ом обанкротился переданный в частные руки их пивной завод. Он итак, начиная с 1992 держался на честном слове, а тогда и вовсе закрылся. Оборудование сдали в лом, а весь персонал выгнали, что называется, на мороз. Видите ли, "отсталые совки" не вписались в рынок. Ходило мнение, что учредительные документы оказались в руках не самых хороши людей в малиновых пиджаках.

Поначалу пришлось побираться и работать за копейки где придется. Родители исхудали и устали, обеспечивая сыну беззаботное детство. Маленький Лев часто помогал им чистить и продавать краденую картошку, делать гвозди, опять же на продажу и самолично ходил по помойкам.

Все закончилось в 1999-ом. Тогда родители Левы решились на дело всей их жизни – открытие бизнеса. Предмет продажи нашелся сам собой. Это было пиво. Целый культ хмельного напитка, выстроенный в их головах. Наследие завода давало о себе знать.

Еще тремя годами ранее все вокруг твердили им и заселяли голову мысль о том, что необходимо открывать "бизнес". Тогда семья Панфиловых поняла это по-своему, воруя картошку и продавая ее. Советские головы обоих не могли понять всю глубину затеи. Лишь потом, когда интенсивность бизнеса головного мозга у людей начала стихать, они наладили легальное предприятие.

Пошло-поехало. Лева учился в школе, отнюдь не без-

успешно. На прибыль от предпринимательской деятельности ему купили хороший компьютер, в который он погрузился с головой. Родители полагали, что Лева будет сутками напролет играть в разные видеоигры, однако на деле он занялся другим...

И преуспел в этом. Он учился создавать сайты, осваивал социальные сети, снимал ролики в так называемый "YouTube". Любые поломки или неисправности компьютера исправлял сам. Более того, он научился еще с 14-лет зарабатывать на своем увлечении деньги, продавая сайты или помогая с починкой. Теперь он не сомневался в выборе своего будущего.

Но была и обратная сторона. Лева стал часто пропускать школу, все больше проводил время со своим ненастоящим "другом", как он любил его называть. Его мир не подчинялся правилам своенравной матери и однажды она выкинула процессор в окно. Лева не затерялся и купил новый.

А через месяц неожиданно поселился со своей девушкой Наташей в съемную квартиру и стал там работать. Действия сына ошарашили родителей. Он ведь не говорил раньше, что вот уже как полгода встречается с девушкой. Не распространялся, что зарабатывает достаточно денег, чтобы жить отдельно. И самое главное – ему за два месяца до ссоры исполнилось только 17.

Родители, похоже, слишком были увлечены своим стабильно развивающимся пивным бизнесом. Они отказались

от идеи открывать второй филиал, но свой единственный магазинчик довели до совершенства. Лева не был настолько от них закрыт, чтобы не говорить им о своих успехах. Он сообщал, просто они не слышали.

До серьезных конфликтов больше не доходило и все быстро срослось. Милена примирилась с ситуацией и по-другому взглянула на увлечение сына. Огромный потенциал как для него, так и для них самих. Их сын повзрослел и родители сделали подвиг – они смирились. Не нравился им, разве что, другой выбор сына.

Наталья была мини-копией Милены. Она сильна, серьезна, но в отличие от свекрови невероятно заносчива и чересчур властолюбива. Погодки, они слевой часто ругались. В дальнейшем он и сам признавал, что выбор Натальи на роль жены – огромная ошибка. Но то ли из-за своей природной слабости, то ли из-за беременности Наташи Лев остался с ней и они поженились.

В дальнейшем оказалось, что беременность была ложной. Лева смирился и сделал так, чтобы об этом не узнал никто, выставив это за выкидыш. Только в 2014-ом у них с Натальей появилась Настя.

Лев все больше погружался в свои раздумья. Его память восстанавливала множество разных кусочков из далекого детства. Когда еще не было интернета, телефонов, а компьютеры служили лишь для вычислений. Тогда и отец его был

полон сил и не старел от каждого шороха.

Неудивительно, что Лев, обыкновенно мирный и не склонный запрещать, строжайше охранял эту комнату от Наташи с Настей и настрого наказал обеим не заходить в нее. Лишь как-то раз Наталья осмелилась сделать это.

Это произошло в зимний ясный день, когда в доме безраздельно царствовала мертвенная тишина и прямо посреди бела дня все спали. Наталья, зачарованная единственным запретом Льва, решила войти сюда. Ее руки не были столь нежны, а помыслы чисты. За те пятнадцать минут, что она пробыла в семейном святилище, Наталья успела осквернить все.

Развернула фотографии, снесла одно из ружей, поскрипела по слабому полу. Одно только ее присутствие считалось непозволительным. В тот день ее никто не видел и она смогла уйти незамеченной.

Антон Антонович знал о поступке невестки. Ему в доказательство хватило и того, что Наталья просто не так повесила ружье, которое обронила. Ругаться и разбираться тогда не стали, но выходку еще только новоиспеченной жены запомнили навсегда.

Сейчас же, для мужской части семьи Панфиловых это место имело сакральное значение. Прямо под ружьями серебром выгравировали надпись: моему любимому деду Семену Алексеевичу Панфилову, погибшему под Минском, 1917 – 1944.

Надпись появилась лишь полгода назад как напоминание о подвиге великого родственника, сражавшегося за Отечество и погибшего ради жизней их всех.

На этом моменте в голове у Льва заиграли свежими красками другие воспоминания.

– Черт. – Вырвалось у него.

Он, равно как и его отец, никогда не позволял себе ругань в этом помещении, и сейчас ему стало не по себе из-за этого. То, что пришло ему сейчас в голову, убивало его стержень, делало его беззащитным.

Воспоминания ржавым огнем хлынули в его память. Он мигом представил себе своего друга, с которым поссорился когда-то. С тех пор они не общались. Этот отрывок в голове возник еще у Цапфа при упоминании тех, кто на него напал вчерашним вечером.

Он помнил Георгия красивым, степенным, веселым. Но что-то в нем надломилось и он стал служить чему-то темному, непонятному и бесполезно жестокому. Имя этому "чему-то": Неонацизм.

Глава 4

– Ху-ху, ха-ха.

Комната дребезжала от монотонных ударов кулака и голосистого повторения фраз.

– Ху-ху, ха-ха.

Повторялось ровно до тех пор, пока в дверь не постучала соседка сбоку.

– Жора, хорош буйнить, ментов же вызову!

Полновесная женщина 50-ти лет стояла на пороге однокомнатной захламленной квартиры. Перед ней полураздетый мужчина что-то постоянно напевал, совершенно ее не замечая. Видимо, он просто забыл закрыть дверь на замок.

– Отвали, старуха. – Безучастной интонацией сказал он. – У меня сегодня день рождения.

После этой короткой реплики он медленно подошел и размашистым движением захлопнул входную дверь.

– Теперь станет тише.

Соседка, Мария Васильевна, прекрасно знала мужчину из 33-ей квартиры. Сегодня ему исполняется 28 и единственное, что его интересует в этой жизни – нанести вред другим.

Такое мнение сложилось у стареющей женщины. Еще советской закалки, она делила поколения на свое и "пропащее", что было делать популярно по всей стране. Вот и несложно угадать, к какой категории людей относился для нее сосед.

Прокуренный, неосторожный, глупый хам, живущий в такой же убогой, пропитой насквозь квартирке. Какую же пользу он может нести обществу?

Ответ на этот вопрос совершенно не волновал Георгия Ивановича Власова. Его жизнь – его и проблемы. Он никогда не стремился что-то кому-то доказать. Да, он пьет, курит, трахает все, что движется, ненавидит всех вокруг себя. Но разве иначе должен себя вести самый настоящий нацио-

налист-пофигист без уклона в глупую и бесполезную философию?

Дело в том, что Георгий даже не задавался этим вопросом, хотя ему не раз предлагали на него ответ, хоть и с иными формулировками. Его жизнь – его и правила.

Георгий переключил мелодию на своем стареньком магнитофоне и из динамиков, нарушая всякие правила музыки, полилась фонтаном струя из огромной мощности ударов, воя многочисленных гитар и животного мычания. Не хватает только бутылки пива в руке, чтобы дорисовать образ безвкусного брутала.

Время на часах 14:17, а значит, что через полчаса его заберут друзья и унесут далеко-далеко. Там не будет шума города, не будет лая собак и скулежа глупых соседок. Только чистое, как покрывало, небо.

– Солнце мое, ты уже закончила?

Из туалета вышла девушка, немного пьяная, но соображающая, где находится.

– Гошечка, а я тебе говорила, что у тебя ванна засорилась?

Мужчина нехотя подумал и кивнул ей, затем они обнялись и она задала второй вопрос:

– Гошечка, а у тебя еще там какой-то шкафчик плесенью покрылся, выкинь его, а...

Георгий, обнимая девушку, приложился к бутылке дешевого вина и сделал два глубоких глотка. Он был уже вдребезги пьян и сильно пошатывался.

– Неа, иди в жопу.

Девушка с пурпурным и нежным лицом, вся в макияже, нелепо смотрелась на фоне окружавшего ее беспорядка. На кухне у Власова было еще грязнее, чем во всей остальной квартире. По холодильнику вниз бежал рысцой огромный рыжий таракан, а из горы давно не мытой посуды украдкой поглядывала крыса.

Девушка отстранилась от Георгия и снова пошла в туалет. Ее рвало. Худенькая и костлявая, она с трудом смогла открыть тяжелую дверь туалета и подлететь к унитазу. Георгий хохотал.

– Мерзость, не правда ли?

Она ему не ответила. Власов закрыл дверь в туалет, снова приложился к бутылке и зашагал на балкон.

Зал, прихожая, все завалено всевозможным хламом. Тут нашли себе жильё куча старых холодильников, почерневшие от копоти микроволновые печи, утюги, поношенная одежда, ржавая бижутерия, целая армия бутылок всевозможных размеров и емкостей. Прямо на кровати сложенные и запечатанные сотни книг и журналов смотрели на нерадивого хозяина. К общему бардаку примешивались запахи нафталина и этилового спирта.

Власов вышел на балкон и чиркнул спичкой о коробок. Почерневшая сигарета показалась молодому человеку очень терпкой и удушливой, но Георгий, давясь и харкаясь, смог-таки закурить ее.

На балконе стояло старое, как мир, пианино. Возникло даже впечатление, что оно создает крен балкону и постепенно обрушает его. Массивный музыкальный инструмент находился весь в пыли и был ужасно велик.

– Так-с, сейчас сыграем.

Власов прошелся пальцами по давно сбитым и местами отсутствующим клавишам, звук прозвучал отвратительный. Но Георгий плохо воспринимал действительность и будто не хотел замечать, что бессмысленно тарабанит по давно расстроенным клавишам.

– Возьмите мое золото, возьмите мое золото... – Напевал во весь голос с сигаретой в зубах.

Георгий раскрыл окно и посмотрел вниз. Во дворе, в обычном спальном районе города К. резвились детишки. Власову стала любопытна сцена того, как один мальчик с "Маузером" пытается догнать девочку с куклой и шуточно убить ее. Рядом же стояла мать резвящихся детей и самозабвенно болтала с другой женщиной, судя по всему, подругой. Никакого внимания на детей при этом никто не обращал.

Георгий распахнул окно и гулко свистнул: – Пацан, так держать, делай ее, прямо там!

Удушливый крик незнакомого мужчины дошел до ушей всех стоящих во дворе. В теплый летний день на площадке находилось много детей с родителями.

– Исчезни, сосновый обрубок.

Под балконом, прямо под Власовым, возле машины стоял

пожилой мужчина с казахской внешностью. Он был в офисной форме и, очевидно, возвращался с работы.

Считая ниже своего достоинства разговаривать с ним, Власов просто плюнул тому на капот машины и показал, что называется, комбинацию из трех пальцев. На лице у Георгия читалось презрение и отвращение. Чтобы окончательно оскорбить мужчину, Власов применил свой излюбленный в таких случаях прием. Он показал мужчине нацистское приветствие.

Пожилой казах ничего не ответил на такой жест. Он, как и все в подъезде, уже не раз замечал подобные выходки от своего соседа.

Шесть раз к нему домой вызывали полицию. Однако формальных поводов задерживать Власова ни в одном из них не было. Георгий не хранил у себя дома никаких запрещенных вещей или препаратов. Никогда не хамил стражам правопорядка. Его тело не уродовалось никакими следами того, что он увлекается неонацизмом. Не вылетало вообще ничего, кроме пьяных реплик и летучих, как пух, слов.

Нигилист снаружи, внутри он всегда оставался с долей здравого смысла и любые свои действия обдумывал. К сожалению для него, это все исчезало обратно пропорционально с тем, сколько Жора вливал в себя спиртного. Его стену безразличия к жизни времени ломало лишь два человека, но ни того, ни другого сейчас рядом с ним нет.

– Этот день войдет в историю!

Власов продолжал сыпать пьяными репликами и попутно собираться к поездке. Его мозгов хватило бы сейчас разве что на то, чтобы найти среди всего квартирного хлама свои штаны. С большим трудом ему это удалось.

На его груди огромной бляхой красовалась свастика. Цепочка, которую он с огромным трудом достал на черном рынке и которую берег как зеницу ока. Он всегда носил ее при себе, а при обысках прятал в обувь. Каждое утро Георгий начищал бляху до блеска и красовался ею. Материальное доказательство его "повернутости" никогда не удавалось найти даже с собаками. Настолько запах его немытости перебивал все остальные ощущения.

– Жораааа...

С улицы послышался раскатистый, как удар грома, крик. Приехали его "братья".

Власов, обрадованный появлением своей ватаги ринулся прочь из квартиры. Только выбегая оттуда он вспомнил, что забыл в ванной девушку.

– Вася. Ты там долго?

Дверь в туалет была закрыта, запах рвотных масс оттуда смешивался в ядовитом экстазе с вонью из унитаза. В тяжелую дверь интимной комнаты последовало три несильных удара кулаком.

– Да сейчас, дай закончу!

Девушка чувствовала себя из рук вон плохо. Василиса Колева была знакома с Власовым вот уже три года. Их отноше-

ния строились на том, что они со скрипом терпели, но искренне любили друг друга. Ни он, ни она не являлись ангелами во плоти. Жора постоянно пил и имел половые сношения на стороне, она же потихоньку закидывала за губу. Но жили они вполне весело и можно сказать, уютно.

Невероятно худая, местами у девушки просвечивались кости. Василиса старалась набрать вес, но у нее все никак не получалось. Свое грязное дело осуществляла и травка, плавно переходящая в кокаин и даже вещества потяжелее. За последние два года Василиса потеряла 12 килограмм из-за одного только порошка. Вдобавок она заработала язву желудка, но игнорировала свою болезнь и скрывала от всех, в том числе от Гоши.

До знакомства с Власовым она была самой обыкновенной цветущей девушкой с пурпурным лицом, светлыми волосами и цвета летней березы глазами. Улыбалась она часто и нежно, искренне. В ней сочеталось яркое, прогрессивное начало с темнотой в душе, которая слишком сильно проросла в один из теплых дней.

Тогда, весной 2014 года Георгий пришел в лавку, где она работала и продолжает работать по сей день. Ему требовалось закупить себе пару яблок. При встрече глазами обоих словно поразил электрический ток, яблоки отошли на второй план.

В тот же день Георгий, еще не настолько грязный и бесполезный, пригласил ее прогуляться. С тех пор закружилось,

завертелось. Как снежный ком, роман перерос в любовь. Василиса, склонная к мечтаниям, считала, что встретила "того самого" и теперь их ничто не разлучит. Но вот Гоша так не считал.

К моменту их знакомства он еще переполнялся положительной энергией, которая не окрашивала мир для него в темно-серые радиоактивные тона. Его манера все скрывать внутри своего самолюбивого панциря не дала бедной девушке шанса на исправление ситуации.

Постепенно они разочаровались друг в друге, но любили, искренне любили. Но один любил чуть меньше второго.

Георгий ограждал ее от себя при каждом удобном случае, но будучи более сильной и притягательной личностью, полностью поглотил девушку психологически. Власов забрал у нее свет жизни и отдал взамен серое видение мира. Оба стали безнадежны в своих мечтаниях. Огромные по масштабам и мечтательности планы запечатались в очередную бутылку водки и мешочек с белым порошочком.

– Васюня, у тебя две минуты, постарайся, милая.

Власов стал шлепать по двери ладонью, очень быстро и часто. Открыл рот и принялся противно орать.

Девушка, подавленная и сбитая, вышла из туалета и медленно направилась к выходу. Из рта у нее стекала слюна, повисая на ее грязном плече.

– А вещи? – Недоуменно спросил Георгий.

– А ну их, все равно сюда вернемся.

Она уже открыла дверь и вышла в подъезд, Георгий же радостно помчался ей вслед. Сегодня будет самый лучший день в году.

УАЗик с открытой крышей мчался по загородной трассе со скоростью больше 100 километров в час. Ветер обдувал лица тех, кто сидел в машине. Погода была сегодня на редкость прекрасная. Не холодно и не жарко. Небольшие, но раскатистые тучи ползли по небу, обступая людей в джипе. Сегодня день особый...

Водитель машины, поддатый, резко крутанул руль и автомобиль с криками людей повернул в сторону местного озера. Дорога утопала в кучах дерна и огромных глубоких лужах. Ход пришлось сбавить.

Громко стонала музыка, люди в машине постоянно перекивались. Еще на трассе один из них, забавы ради, показал одному из мимо проезжавших водителей знак нацистского приветствия. Ответом стало гневное безразличие и невозможность что-либо сделать.

Кочки и выбоины раскачивали машину из стороны в сторону. Словно юла, крутились в ней и люди. Семь человек, а именно столько помещалось в автомобиль, ушибались, бились о перекладины автомобиля, но ни на секунду не сбавляли пьяного крика. Кто-то из них уже разделся, предвкушая теплоту озерной воды, а кто-то стал прямо на ходу распаковывать очередную бутылку пива.

Молодежь пролетала через все, что попадалось на дороге. Лежащие деревья, испуганные лесные жители, огромные лужи, похожие на портал в ад – никогда не знаешь, что там на дне.

Их УАЗ оставался словно маленькой крепостью веселья среди летнего умиротворения и размеренности. Повседневные дела кроликов, зайцев, белок и дятлов отложились на мгновение из-за проезжавших поблизости визжащих людей. Если бы животные имели речь, они бы непременно поворчали на отмороженную человеческую молодежь.

Минут через 10 автомобиль выскочил на небольшую полянку, за которой тихой гладью блестела вода. В ней задорно плескалась рыба и шуршали оводы. Все, что могла предложить сейчас природа, находилось прямо здесь.

Машина нехотя остановилась и заглохла на время. Все, кто в ней находился, выскочили наружу и с криками побежали в воду. На берегу остался только один человек.

– Москвич, тикай в воду, гадина! – Орала ему с берега.

Человек на берегу лишь показал в ответ средний палец и стал доставать мясо.

Его тело было усеяно различными татуировками. Они испещряли даже лицо. Ими залеплялись большеватые уши. Все бы ничего, если бы не приглядывались местные рыбаки, которые сидели в полусотне метров от приехавших на краю полянки.

На груди во весь рост смотрел выколотый точный порт-

рет Гитлера, принимающего нацистское приветствие, прямо над его головой – чуть выше груди, поместилась повернутая свастика, заключенная в круг – символ солнца. На животе, там где начинался человек, так и не ставший художником, пушкой вперед повернулся "Тигр" – немецкий танк времен Второй Мировой.

Когда молодой, выбритый до армейской лысины человек повернулся к ним спиной, двое рыбаков разглядели и татуировки сзади. На них ютились изображения трех человек различных рас. В самом центре стоял высокий, накачанный мужчина в немецком военном кителе, он держал на цепи двух других людей.

Тот, что справа, узкоглазый, явно символизировал монголоидов. Второй, слева, был покрашен темным. Негр, не иначе. Оба этих персонажа смотрели прямо на рыбаков. Жалость в их глазах передавалась прямо с кожи молодого человека и оживляла их, наделяя душой и рабской покорностью. Центральный же, очень похожий на самого владельца татуировок, стоял гордо и смотрел на зрителя с презрением и одновременно со снисходительностью.

Москвич, как его называли соратники по вере в новый рейх, был высоким и округлым. Его лицо, гневное и в то же время печальное, старалось быть беспристрастным. С горем пополам у него получалось.

Из воды вышел мужчина. Это Георгий.

– Москва, давай не чеканься, пошли плавать.

– Мясо само себя не пожарит. – Сказал надменно Москвич. – Вытаскивай.

Приказ Власов исполнил неохотно. Он всегда делал распоряжения "старшего" с большим негодованием внутри. Он считал его своим другом и не любил, когда Москвич с ним так разговаривает.

Свое настоящее имя этот человек не любил афишировать. То ли стеснялся, то ли действительно его не любил. Поэтому в среде соратников к нему прилипло прозвище "Москвич" или сокращенно "Мкад" из-за его происхождения. Он являлся единственным приезжим из всей компании.

Если он слышал свое имя в разговоре, то человек, произнесший его, немедленно наказывался и избивался. Мкад приходил в ярость и накидывался на любого. Однажды так произошло и с Власовым.

Георгий в сторонней беседе как-то упомянул настоящее имя Москвича – Павел. Разозленный без всякого шума подлетел к Власову и могучим ударом мощной руки ударил Георгия. Тот упал. Еще два удара и Власов получил сотрясение головного мозга. Тогда все обошлось больницей, но произошедшего хватило Власову, чтобы уяснить себе – есть такие люди, взрывы которых провоцируют разрушения всего вокруг себя.

Спустя четыре часа, когда небо сплошь затянулось чернотой, а костер горел так, что освещал не только лица людей, но и лес с водой позади, началось самое интересное.

Пляски вокруг костра и хороводы за здоровье тех людей, что изничтожали мир уже стали для молодых на берегу обыденностью, исконным ритуалом. Вряд ли кто-то из них понимал, что делает, но делали все, повинувшись древнему инстинкту – стадному.

Каждый выполнял особую, отведенную только для него роль. Москвич стоял с поднятыми руками и повторял слово: "солнце", хотя на его место сейчас уже заступила луна. Георгий прямо на глазах у всех остальных участников действия совокуплялся с Василисой. Она никогда не считала себя неонацистской, но из-за любви к развлечениям любила подобные выезды.

Еще один парень, Глеб, приятель Москвича с Георгием, изображал танец шамана со второй девушкой в этой компании. Оставшиеся двое прыгали через костер и били друг друга палками в кровь. Все веселились и в пьяном хохоте калечились.

Человеку со стороны все это могло показаться массовым помешательством. Это им, по сути, и являлось. Ритуалы, транслируемые человеком в татуировках считались обязательными для исполнения. Уклонения карались сильными ударами в живот и лицо вне зависимости от пола уклониста.

Через некоторое время Москвич приказал всем встать в круг и дружно крикнуть "зиг хайль" в знак нацистского приветствия. Руки всех участников должны быть вскинуты на одном уровне. Так стояли десять минут. Тех, кто выбивался

из общего темпа, Москвич нещадно бил.

Выбивались из него обычно двое: Василиса и один мускулистый паренек в берцах и военных штанах.

– Глеб! Еще раз и заставлю повторять. – Прошелся по нему палкой Мкад.

Все молчали. Только по завершению ритуала, уставшие от напряжения и довольные собой, все садились и дружно ели. В такой обстановке легко раствориться и стать незаметным. Каждый член сообщества отдавал свою яркость и индивидуальность на благо общим целям. Каждое его слово рисковало быть расцененным как неуважение к памяти "вождей". Любой примирительный тон по отношению к кавказцам, азиатам, американцам или любым другим людям неславянского происхождения жестоко подавлялся и наказывался. Абсолютная дисциплина отбирала самых идейных, но не самых преданных.

Тела сидящих у костра вздрогнули и сжались в землю, послышался выстрел. Резкий и оглушающий, он встревожил воздух и привел всю молодежь в ужас.

– Всем сидеть на месте, никуда не вставать!

Из темноты послышался грохочущий мужской голос. Но никто пока не показывался. Не заметили даже вспышки от выстрела.

– Не оборачиваться. К бритому это больше всего относится.

Появился второй голос, более хриплый и пропитый.

В голове у Георгия появилась мысль, что это были те рыбаки, которых они невольно потревожили своим приездом.

Из темноты, наконец, показались двое. Да, те самые два рыбака, которые сидели на краю приозерной полянки. Теперь один из них стоял с массивным и грозным карабином, а второй держал в руках большую палку – единственное оружие, до которого сумел додуматься.

– Тихо, чтобы никто не трогался, ублюдки вшивые! – Завопил рыбак с палкой.

Оба были в балахонах, но куртки различались. Тот, что с ружьем, предпочел одежду цвета хаки, второй с палкой – светло-желтый комбинезон.

Рыбаки находились в трех метрах от сборища и внушали не только страх. В их гневных, ошалевших глазах было еще что-то.

– Мы видели ваши костровые пляски. И решили, что каждого из вас надо проучить. Вы все гниды, предали себя же. Как можно так поступать, как можно восхвалять тирана!?

Хаки с ружьем вопил на них, обуздывая свой гнев. Его руки дрожали, готовясь нажать на курок. Но что-то мешало ему... Как бы не были противны ему эти люди, он не убийца.

– Ты ничтожество, если думаешь, что способен нами потакать! – Москвич поднялся и крикнул ему.

Напряжение в воздухеросло настолько, что остальные участники этой маленькой театральной сцены вцепились друг в друга, боясь пошевелиться. Все молодые люди нахо-

дились в пьяном угаре, но осознавали всю опасность сложившегося положения. Любой из них может быть убит за одно только неправильное движение.

– А ты презираешь. Презираешь, паскуда, все, что вокруг тебя. – Из рта рыбака с ружьем вылетали, как из трубы, слюни. – Да у меня дед ветеран, до Берлина дошел! Землю жрал, кровью захлебывался, чтобы такие пидорасы как ты жить могли.

Мужчина щелкнул затвором ружья и прицелился. В этот момент Георгий ринулся на него. Последовал выстрел. Оба лежали вповалку на земле и боролись. Второй рыбак поспешил схватить оружие товарища, но его успел вырубить подоспевший Москвич.

Пуля ушла чуть выше на полметра и просвистела над головой Москвича. Казалось, что он даже бровью не повел. Настолько хладнокровны были его действия.

– Что ты делаешь? – Громко и надрывно спросила Василиса Москвича.

Брезгуя карабином, Мкад достал раскладной нож и нажал на кнопку. Показалось холодное и острое, как бритва, лезвие. Все остальные пытались угомонить Москвича, но у них не получалось.

– Сейчас покушаем! – Взревел Москвич и подставил нож к щеке рыбака.

На одном лице отпечаталось звериное нутро и ярость, на втором маска звериного ужаса и смерти. Никто не смог от-

нять нож у Москвича, даже Власов не сумел ничего сделать. Все боялись, что Мкад в гневе зацепит и их.

Из леса дальними сигналами послышалась сирена. Метрах в трехстах от выезда на поляну показалась пара фар. Слепил свет всем в глаза. Москвич, равно как и остальные, сразу сообразил, что происходит. Отрезвляющий эффект заставил всех одеться, а Москвича спрятать нож за пазуху. В глазах у рыбаков замаячила хлипкая, но неубиваемая надежда, что они будут спасены, и эти фары – помощь им от бога.

– Господи Иисусе, я знал, что меня не оставят. – Прошептал светло-желтый.

Через полминуты на полянку заехал еще один УАЗ, на этот раз закрытый. На его боковой стороне, на красноречивой синей полосе было начертано слово "полиция".

Из машины выскочило трое с автоматами. Раздался громкий басистый приказ лечь на землю и не дергаться. Пришлось повиноваться. Один только Москвич куда-то подевался.

А нет, и его нашли.

– Кто здесь вызывал полицию?

Представительный и массивный, из машины донесся голос. После пятисекундного молчания задняя дверь со скрипом открылась и из "бобика" вылез лейтенант, толстый и безразличный, и повторил вопрос.

– Еще раз, кто?

– Я.

Из-за спин полицейских выскочил совсем юный мальчик лет 15 и стал рассказывать, как все случилось.

– Я был неподалеку в лесу, грибы собирал. Как стемнело, заплутал немного. Услышал, как эти двое. – Тут он показал пальцем правой руки на рыбаков. – Шепчутся, возмущались, что надо наказать молодых людей.

– И поэтому ты позвонил нам? – Не понял парня полицейский.

– Да я бы и сам внимания не обратил, если бы один из этих...

– Какой? – Отрезал его полицейский.

– Этот. – Парень показал на мужчину в темно-зеленом. – Он достал ружье и сказал, что надо будет потом выкопать могилку здесь. Я вызвал вас и стал наблюдать. Минут через 10 после этого выстрел громкий и двое рыбаков пошли к людям у костра.

– Хорош, остальное в участке расскажешь, хлопчик, садись.

Один из автоматчиков открыл пареньку дверь и тот приземлился на заднее сиденье автомобиля.

Все это время Москвич вызывающе смотрел на стражей правопорядка и пальцами делал вид, будто стреляет в них из пистолета. Полицейский, держа руки на ремне своих темно-синих брюк, посмотрел на Мкада и спросил у паренька:

– Кто из них тут сопротивлялся?

Парень высунул голову из машины.

– Вот этот, что в татуировках весь и тот, что с девушкой обнимается. – Парень на этом моменте завистливо сглотнул.

– Их тут две штуки.

– С той, что в черном. – Уточнил мальчуган и показал пальцем на Власова.

– Разберемся. – Пульнул классической ментовской фразой полицейский и приказал рыбакам, Власову и Москвичу сесть в машину.

– Стойте, можно я с ними?

Из оставшихся на берегу один вышел и поднял руку.

– Я хочу знать, что с ними будет.

– Не твое собачье дело. Иди отсюда.

Молодой человек лет 25, что до этого с таким рвением прыгал через костер, сейчас с не меньшим желанием хотел попасть к своим соратникам в машину.

Он снял свою почерневшую от костра футболку с изображением российского флага и ударил ею одного из автоматчиков. Оскорбленный не оценил выпада и скрутил того. Лейтенант засмеялся и сквозь хлынувшую слезу сказал:

– Давай, пакуй и его, как он того хочет.

Машина тронулась с места и унесла с собой все веселье и радость сегодняшнего вечера. Уехал и именинник. Оставшиеся у затухающего костра уехали следом через 20 минут.

Буханка оказалась достаточно просторной, чтобы в ней поместились сразу девять человек. Они толкались, жались друг к другу, но смогли вместиться.

Георгий сидел рядом со своими товарищами. Слева спал Москвич, несмотря на ухабистость проселочной дороги, по которой они ехали, а справа полулежал на стенке "буханки" Глеб Васиных. Именно он напросился на поездку в этом миллом автомобильчике.

– Ну и зачем? – Гоша непонимающе спрашивал Глеба.

– Что зачем? – Философски натужно ответил тот.

– Зачем тебе понадобилось сюда залезать, дуралей?

Оба уже успели отрезветь за все время событий. Оказывается, Власов умеет быть рассудительным. Его спутник тоже не был дураком. Маска безразличия и ума прилипла к лицу своего владельца настолько плотно, что успела стать частью его характера. Глеб ответил рассудительно:

– Просто так, без всякой мотивации. Час назад я прыгал через костер, а сейчас я в ментовской тачке, что может быть круче.

– Слабая причина конечно, но зная тебя...

Власов задумался. Его вяжут прямо на его дне рождения. Если найти подход к этому с необычной стороны, то не все оказывается так плохо. Никаких формальных поводов для ареста нет, а сам праздник это не сильно-то и портит. Наоборот, арест сегодня, в день рождения, как знак качества классно проведенного дня.

Он вспомнил одного давнего друга, который подобные приключения променял на женитьбу и семью. "Мда, дурак" – Подумал про него Георгий.

– Жора, я только за Пашу боюсь. У него татушки.

Тон, с которым говорил Глеб, был безразличным, оттого и становился более пугающим и застывающим в мозгу.

Но обстоятельства складывались позитивнее. Глеб часто называл Москвича по имени, когда того не было рядом или он спал. Да и не посадят за одни лишь татуировки. В конце концов, Мкад ночевал за решеткой и за более жуткие пригрешения.

Само отделение не баловало просторными помещениями и достойным освещением. Одна лампочка на каждые пять метров пространства. Дежурный с сонной нежностью соскабливал с бумаги карандаш ластиком. Ему и в голову не могло придти, что за 20 минут до конца его дежурства сюда приведут целую толпу людей.

– Сеня, блин, открывай. – Скомандовал лейтенант и ввел всех в небольшое помещение, которое здесь шуточно все называли холлом.

– Ну что там, зайка, в крестики-нолики со с...

– Заткнись!

Последовал удар в живот дубинкой. Москвич, оклемавшийся ото сна, сгорбился от удара и стал тяжело дышать. Ребро дубинки попало прямо в солнечное сплетение.

– Открывай! – Скомандовал жирный лейтенант дежурному, тот повиновался.

Глеба, Гошу и Мкада посадили в отдельную от рыбаков камеру, хоть они и находились по соседству.

– Эй, я ведь в суд подам, скотина. – Угрожающе заныл Москвич.

На него никто не обращал внимания. Возникло такое ощущение, будто полицейские уже давно сумели приучить себя к подобного рода выходкам задержанных. Но что-то все равно должно было случиться. Наконец к решетке изолятора – тесного и замазанного, подошел лейтенант с блокнотиком и забубнил себе под нос:

– Имя, Фамилия, адрес проживания.

Повисло молчание. Лейтенант недобро посмотрел на Мкада и постучал ручкой по трубке решетки.

– Глеб Васиньков, улица Героя Шапошникова, дом 5, квартира 8.

– Как? Васинько?

Глеб дрогнул скулой и сжался. Он не любил, когда ему таким образом напоминают его болгарско-украинское происхождение, пускай и случайно.

– **Васиньков!** – Повторил он четко и стройно, сделав акцент на последнюю букву.

Васинько находился в организации уже четвертый год и никто так и не мог сказать, кто он. Отчасти мнение товарищей диктовалось его скрытностью и немногословностью, отчасти и тем, что он сам напускал на себя такую ауру. Но был у него и многословный изъян.

Он очень хорошо знал историю России и любил ее цитировать и каверкать на свой лад. Однажды он допустил

небольшую оплошность. Глеб рассказал как-то раз единомышленникам, что он 6 лет обучался в кадетской школе. Тот период с своей жизни он не любил, но старался с ним мириться.

Он находился с ними, с людьми, которые искренне и слепо ненавидят всех по причине своих умеренных взглядов. Он шатался и ковылял между умеренной позицией национализма и самой простой жизнью среднестатистического человека. По слухам, его девушка, если она и имела место быть, даже не догадывалась о том, что ее парень состоит в противозаконном сообществе.

– Теперь ты. – Лейтенант показал на Мкада.

– В жопу иди!

Жиробас с удивлением посмотрел на Москвича. Не ожидал, что такие дерзкие индивиды все еще ходят по России-матушке и сотрясают мирный воздух правопорядка прямо в отделении полиции.

– Власов Георгий, Улица Газовская 19А. – После недолгой паузы взял инициативу Гоша. – Квартира 30.

Лейтенант развернулся и ушел. Глеб с Георгием задумались: "Неужели мент проглотит все это?" Да, лейтенант здорово зарядил Мкаду в живот. Так, что сейчас тот тяжело дышал. Однако сейчас Москвич нарывается снова.

– Нацки вонючие!

Плюнул в них один из рыбаков, тот, что пытался запугать всех палкой.

– Захлопнись, морда хвастливая. – Приказал ему Георгий.

– Тихо там!

Из коридора донесся басистый клич дежурного. Тон разговора снизился, градус оставался прежним.

– А если я тебе скажу, что запомнил твой адрес, это тебя успокоит?

– Да. – Гордо ответил Георгий, памятуя о том, что лейтенант пока что еще не подходил к рыбакам.

Подключился второй и шепотом закончил фразу, задумывавшуюся еще его приятелем.

– Мы за вами придем.

Из коридора слышались тяжелые шаги. Подошел лейтенант с теми двумя, которые приезжали на вызов. В руках они также держали автоматы и готовились к чему-то. Лейтенант приказал открыть дверь камеры.

– Выйди. – Спокойно произнес жиробас.

Мкад, которому предназначался приказ, сидел на месте и смотрел в потолок. Он держался за живот и отчетливо понимал, что с ним будут сейчас делать.

– Я второй раз повторять не собираюсь.

Глеб с Георгием немного отсели от своего предводителя. Оба понимали, что достаться может и им, а взведенные с предохранителя автоматы – гарантия повиновения.

Наконец Москвич тихонько поднялся со шконки и направился к выходу. Его руки крупно дрожали, а из левого глаза бесшумно покатилась слеза. Последовал удар прикладом

автомата.

Скула Мкада оказалась рассечена, он упал на пол, грязный и холодный. Следующий удар последовал уже ногой в печень. Вдвойне прихватило живот. Москвич стиснул зубы, стараясь удержать крик. Из второй камеры, где сидели рыбаки, на это действие смотрели удовлетворенно и с интересом.

Затем схватили за волосы и вырвали пучок. Москвич надеялся, что они не станут расстегивать рубашку и не будут смотреть на те татуировки, что были под низом.

– Ублюдок вониючий. Язва, ты хоть понимаешь, что из-за таких бездельников и паразитов как ты и твои дружки, вся страна в жопе?!

У Москвича не было сил ответить, он харкался собственной кровью и стискивал зубы еще сильнее.

– Имя, Фамилия, Адрес! – Требовал лейтенант, нанося удары ногой.

– Нет... – Еле слышно ответил Мкад.

– Ну Сука. Парни, налегайте.

Били в шесть ног. По почкам, печени, ребрам. Отбивали руки и делали кровавую массу из его внутренних органов. Москвич перестал что-либо понимать. По его телу словно проползал и давил его огромный танк. Единственное, что хотелось сейчас бедному человеку, так это умереть побыстрее. Ощущение боли во всем теле, которая превращалась в шок, окутало его сознание. Наконец он сжал зубы настолько сильно, что те не выдержали и двое из них лопнули, сломались.

– Все, ребят, хватит! – Громко, успокаивая себя приказал лейтенант. – А то не дай бог зажмурится, под статью пойдем.

Москвич лежал скрючившись на полу. Его освистывали рыбаки и своими возгласами требовали продолжения.

– Нарываешься. – Предупредил лейтенант одного из свистевших, затем повернул свою тушу обратно к Мкаду и снова задал интересующий его вопрос. – Имя, фамилия, адрес?

Еле разжав зубы, он сипло и тяжело ответил.

– Павел Трухин, Комсомольская 48-54.

– А вы, если не хотите также. – Обратился лейтенант к Власову с Васинько и показал пальцем на Москвича. – Бросайте это.

Взяв данные у обоих рыбаков, полицейские затащили избитое и окровавленное тело обратно в камеру и закрыли ее. Мкад еле слышимо вслед им сказал "зиг хайль".

Власов с Васинько принялись помогать избитому, но тот с твердой решимостью отклонил их помощь. К утру ему будет лучше.

Лицо, за исключением скулы, осталось нетронутым, только вот отбитые почки с печенью долго будут напоминать о себе, вдобавок каждые минут десять Москвич харкал кровью и его жутко рвало. Пришлось попросить ведро.

– Как думаешь, когда выпустят?

Власов жевал известку и смотрел в желтую стену. Атмосфера тут не из приятных, но пересидеть ночь точно можно.

– Утром, не позже. Москвичу вызовут скорую, а мы до-

мой.

Васинько посмотрел на блюющего в ведро Мкада, потом перевел взгляд на Гошу и не дрогнув ни одной мышцей лица, сказал:

– С Днем рождения тебя.

– Присо... Единяю....сь. – в перерывах между позывами произнес Москвич.

Власову ничего не оставалось, кроме как еле слышимо сказать "спасибо". Сегодняшний день оказался хорошим, но отнюдь не для всех.

Пока Глеб с Жорой спали, Москвич всю ночь провел в обнимку с предоставленным ему ведром. Он чувствовал себя так, словно внутри у него находилась манная каша. Режущая боль в животе соседствовала с пульсацией сердца и головы. Казалось, что еще немного, и внутри него что-то натужно лопнет и он умрет от многочисленных внутренних кровотечений. Дышать было трудно, а говорить еще тяжелее. Саднили и ныли два сломанных зуба. Их осколки оставались во рту и царапали щеку, отчего Москвичу становилось еще тяжелее. Только под самое утро он сумел умиротворенно закрыть глаза и уснуть прямо на ведре.

Глава 5

– Выходите, утро.

Люди в камере неспешно проснулись и протерли глаза. Перед ними стоял лейтенант и с недовольным лицом смотрел на них. По его взгляду задержанным начинало казаться,

что он готов их убить прямо сейчас.

– Пора вас отпускать, не повесишь ничего. – Призадумался он, цыкнул и сокрушенно закончил. – А жаль.

В камере напротив уже никого не оставалось. По-видимому, рыбаков отпустили раньше. Может даже за пару минут. А раз так, то становилось опаснее выходить за пределы участка. Их могли элементарно выловить.

Георгий, грязный и сонный, вышел из здания первым. На улице безжалостно палило солнце. Москвичу вызвали скорую. Она приехала на удивление быстро и забрала того с собой.

Сам Москвич сопротивлялся, но Власов с Васинько его уговорили.

– Слушай, надо нашим все объяснить, почему в ментовку попали. Если старшие не поймут, то будет неприятно нам, сам знаешь. – Думал обреченно Георгий, сделав акцент на последнем слове.

Глеб почесал голову и взглянул на небо. Солнце поднималось с востока и заливало город своим оранжевым прохладным светом.

– Давай так, ты езжай домой, а я в больницу к Москвичу, его все равно домой отправят, поэтому мы на базу к Братству поедem и там все решим.

Братством называлось движение неонацистов в городе К. Это было общество, в котором действовало сразу несколько лидеров и проводились крупные акции вредительства совет-

скому прошлому: памятникам, домам и даже людям, которые одевались совсем не так, как подавляющее большинство. Не любили людей в клетчатой и кожаной одежде, старались навредить даже тем, кто носил старомодные очки.

С точки зрения братства любой человек делился на правильного и неправильного. К первой категории относили славян, в том числе и русских, и немцев. Вторая категория была гораздо более многочисленной. К ней относились все остальные.

Вопреки расхожему мнению, не все нацисты почитали Адольфа Гитлера. Кто-то считал его лишь подставным лицом, пешкой, которая в свое время оказалась в нужном месте и в нужное время. В этом вопросе деление оставалось нечетким.

Но абсолютно все участники Братства уважали Йозефа Геббельса как умелого составителя якобы самой действенной и правильной идеологии в истории человечества. Каждый считал нужным и даже обязательным детальное изучение его истории в рамках самообучения.

В братстве был даже своего рода экзамен, когда новые члены при вступлении должны были ответить на 10 вопросов по биографии Гитлера, Бормана и Геббельса. И такие акции проводились в том числе среди членов братства. Внезапно, без всякого предупреждения.

Довольно успешно проходил "тест на вшивость" и Власов. Идеино крепкий, он считал излишними и невозможными

ми идеи воссоздания НСДАП в рамках города, пусть даже и областного центра. Какой бы подпольной партия не была, ей никогда не восстановить единый рейх – это абсурд.

Этого не понимали лидеры "партии", которых даже мало кто знал и видел в лицо. Скрытное управление и оттого делалось полумифическим. О том, кто же стоит за всем Братством, знали считанные единицы, но не распространяли ценную информацию. Опасность подстерегала на каждом шагу.

Власов хоть и являлся по меркам Братства старожилом, но в тайны его посвящать не считали нужным. Рано еще. Георгий не считался надежным в той степени, в которой требовалось. Все знал разве что Москвич, но молчал, в противном случае его действия расценили бы как предательство.

Васинько так и вовсе являлся подозрительным для более старших участников братства. Они не приветствовали его молчаливость и пространные мысли о том, стоит ли выполнять приказы старших членов братства или нет. На этой почве он конфликтовал с Мкадом.

Сам Москвич был одним из "старших", состоял в братстве уже 8 лет и получил свой особый статус год назад. Его главной задачей стал присмотр за более "свежими" братьями. Также он пропагандировал идеи в сознание отдельных людей, выполнял миссию нарушения общественного порядка и создания единого партийного начала.

Больше пятнадцати лет братство действует на территории области, за это время успело уйти или сесть в тюрьму почти

половина ее изначального состава. Случалось и так, что люди разубеждались не только в возможности реконструировать нацистскую идеологию, но и в ней самой. Они предпочли пойти работать и создать семью. Самый обычный путь для самых обычных граждан, который действующие члены не одобряли совсем.

Системой это назвать было все же довольно сложно. Членство в братстве не давало никаких привилегий, а приносило лишь беды и постоянную опасность. Братство привлекало только тех, для кого жизнь без приключений, авантур и проблем совершенно не складывалась.

К этим людям относился и Васинько. Георгий запомнил его скорее националистом, нежели фашистом и антисемитом. Для братства его взгляды представлялись умеренными и невыдающимся. Каждое его слово вносило крупинцы сомнения в тех, кто искренне верил в то, чем занимается. Его опасность заключалось не в отталкивании идей, а в их рационализации и обосновании, что никогда никем не поощрялось. Нужно выполнять приказы, а не обсуждать их.

Власов же наоборот, оставался свободен в своих действиях и словах. Его ненависть перевешивало голос разума. С ним что-то случилось и он перестал испытывать чувство любви. Ее заменила собой злость и всепоглощающая ненависть ко всему, что его окружает. Каждый человек с одним лишь намеком на неславянское происхождение рисковал быть уничтоженным в пух и прах. Пусть это будет даже

не физическое, а моральное и психологическое давление.

Была в Братстве и своя система наказаний. Если ты не подчиняешься командам старшего, то избиваешься одним из них, либо же толпой. Если ты попадаешь в полицию, то тебе придется как минимум объяснить причины и принять последствия, а как максимум – снова быть избитым. Предательство каралось смертью...

Если верить слухам и домыслам, которыми был пропитан весь воздух и вся атмосфера Братства, то высшая мера наказания за предательство применялась за всю его историю лишь четырежды. Наиболее интересная деталь состояла в том, что один из этих ордеров на убийство выдавался Москвичу, как наиболее идеологически крепкому бойцу, следовательно, готовому исполнить любой приказ.

Сам Мкад, несмотря на свою разговорчивость и даже болтливость, никогда не распространялся об этом. Но даже слухов с лихвой хватило на всеобщий страх и уважение. Никто не перечил ему, не оскорблял. Все знали, что он может убить.

Вот так выглядит эта история из рассказа одного из старожиллов Братства:

"Зимний вечер, очень теплый и безветренный. Посреди заброшенного пенопластного завода стоит человек. Он кинул братство, рассказав о нашей деятельности одному из ментовских. Слава богу, не было имен, адресов, дат и так далее.

Он ждал своего друга – Москвича, так и не подозревая, что его раскрыли. Человек этот не совсем понимал, что происходит. Он словно на прогулке. Решил, что никто ни о чем не догадается. Да и что тут такого?

Тут из-за угла появился Мкад и не теряя ни секунды, направился к предателю. Трагизм в том, что приговоренный – приходился близким другом убийце. Москвич сам вызвался покарать предателя. Нож взрезал воздух, вошел в плоть поглубже, остановился на полпути к сердцу. Москвич спросил лишь одно:

– Жалеешь?

В ответ ему тихо последовало:

– Нет.

Нож дошел до сердца. Боль проникла во все точки тела. Не оставалось ни одного места, где бы она не побывала. Убитый не стал даже кричать. Он принял смерть от руки друга достойно. Так, словно собирался жить вечно. А его тело даже не было захоронено.

Как и полагается предателю, его выбросили на помойку и лишь спустя пару дней нашли окровавленного, свернутого в позу эмбриона. Так закончилась жизнь человека, по глупости своей кинувшего все Братство."

С той истории последствия были разве что запугивательные. С тех самых пор Москвича старались лишний раз не беспокоить, не выводить из себя. Даже старшие на всякий случай говорили с ним заискивающе. А произошла история

всего лишь год назад.

Его приятели, Георгий и Глеб, сделали выводы и вольность в общении заменили сдержанностью и аккуратностью. Возможно, он и не убивал, но кто мог точно знать?

Помимо идеологической и дисциплинарной составляющей, у организации была и вполне материальная база. Место, где приверженцы неонацизма могли вместе обсудить наболевшие вопросы или тщательно подготовить свои разрушительные акции. Находилось оно за пределами города, в березовом лесу и представляло из себя глухое и закрытое от людей место.

Когда-то давно, во времена переменчивых генсеков, здесь были многочисленные заводы и промышленные зоны. Сейчас же все обанкротилось и кануло в небытие. Прекрасное место для неформалов, бомжей и проституток.

Расположилось здесь и Братство. Оно заняло преимущественно западный комплекс зданий и сооружений, устраивая свои сходки в глубокой утробе туннелей и технических строений.

Нет шума, нет лишних глаз. Только самые верные своему долгу, только самые лучшие. Вот что значит дисциплина.

Место никогда не было одним и тем же. Каждый раз устраивались по-разному, что-то готовили, к чему-то готовились. Безопасность была превыше всего, учитывая их наглую противозаконную аморальную деятельность.

Дальние концы промышленных зародышей помогали им

в этом вопросе лучше, чем самые глухие леса Сибири. Чем ближе потенциальная угроза оказаться рядом с другими людьми, тем выше от них защита.

Словно слепые кроты, по туннелям и катакомбам перемещались члены братства. Годами приученные двигаться здесь тихо и неприметно, они не создавали совершенно никакого шума. Их голоса растворялись в общем гуле труб, отзвуков и шума мышей. Каждое движение рассчитывалось и отточивалось.

В эту беззаветную с первого взгляда систему и был вписан Власов со своими приятелями. Он понимал как, понимал где, но все еще задавался вопросом "почему?".

За 5 лет членства в Братстве Власов не продвинулся дальше простого ничтожества. Равно как и любой мало-мальски сообразительный человек, он считал своим долгом служить тем, к кому он когда-то обратился. Георгий выполнял любую работу от уборки помещения для собраний до избиения "чурок". Преданность своей ненависти и негативу подточило в нем глупость и усугубило ее. Но зерна сомнений в нем оставались, и им лишь предстояло вырасти в огромные колосья.

В далеком по сегодняшним меркам 2009 году, в холодный декабрьский день была убита его мать и его отец. Дело было поздним вечером. Самое криминальное время на планете.

Два человека, одна 56, другой 46 лет, улыбались и шли вдоль обычной городской улочки. Тогда проспекты и более менее значимые улицы начали готовить себя к празднику

Нового года, обделяя закоулки и темные места своим ярким предпраздничным настроением.

Все шло хорошо, как никогда лучше. Отцу Георгия – бухгалтеру на одном из самых успешных в городе частных предприятий, выплатили немалую премию. Матери же, воспитательнице детского сада, дети сделали трогательный подарок – самодельные варежки. Наталья Ильинична и Иван Георгиевич Власовы находились в прекрасном настроении и лучшем расположении духа.

Так было до тех пор, пока впереди не показалась пьяная компания из трех человек. Приезжие с Северного Кавказа изрядно подвыпили и напрочь потерялись в пространстве.

Среди бесчисленного множества частных домов легко скрыться, но чета Власовых не оценила всей угрозы.

Трио пьяных людей, очевидно, не соображало, что делало. Просьба сигареты у многолетнего некурящего интеллигента привела к ссоре с поножовщиной.

Как часто бывает в провинциальных местностях и городках, приставать любят по самым безобидным поводам и причинам. Кто ж знал, что отсутствие сигареты у Ивана Георгиевича подтолкнет молодых людей к действиям, о которых они потом будут жалеть всю оставшуюся жизнь.

Очевидность бессилия одного против троих, из-за спин и штанов показались ножи. Несколько ударов в живот и грудь оказалось достаточно для того, чтобы сердце перестало биться. Пара контрольных ударов в печень и человек мертв, его

кошелек пуст, а тело превращалось в мусор, ничего не значащий для блага общества.

Матери Георгия повезло меньше. Несмотря на свои 56 лет, пьяным грабителям и убийцам она оказалась по вкусу и была жестко изнасилована двумя из них, третий же решил, что это перебор и отказался.

Затем последовал удар в печень, отчего Наталья Ильинична упала на землю и заорала от нахлынувшей боли. Стали бить ногами и руками. Сломали ребра, руки, позвоночник.

Парализованная и уничтоженная, Наталья Ильинична Власова прожила еще 6 часов, пока не скончалась от потери крови и разрыва внутренних органов. Кое-как она сумела назвать убийц по именам – те, пьяные, не понимали, что нужно сохранять скрытность. Их быстро нашли и опознали по эпителию под ногтями.

Процесс гремел по всему городу и будоражил общественность. Полным ходом шло расследование, подкрепленное национальным скандалом. Общество повернулось к северокавказцам спиной, их миграция в город сократилась. Возникла волна арестов и преступлений, совершенных против иных национальностей. Сам судебный процесс завершился тем, что всем троим на волне общественного негодования дали большие сроки. Одного даже отправили на пожизненное заключение.

Ни жесткие наказания, ни широкий общественный резонанс не могли успокоить Георгия. На тот момент ему испол-

нилось уже 20 и он жил сам, без помощи родителей. Работал сначала промоутером, затем отпахал два года в строительной компании. Одним словом, не бедствовал.

Событие, оборвавшее жизни его родителей, которых он без памяти любил и уважал, стало поворотным моментом в его судьбе. Он взял долгосрочный неоплачиваемый отпуск и стал безудержно пить. Он потерял всякую веру в общество, попутно растратив все заработанное. Его бросила девушка, а он сам таскался по ночным клубам и нарывался на драки, рискуя бесславно закончить свой жизненный путь.

Депрессия продлилась почти год. За это время в нем проросла и окончательно окрепла мысль о том, что некоторые люди по определению недостойны жизни. Понадобилось еще два года импульсивной и тяжелой работы, чтобы мысль оформилась в целую идеологию о том, что есть высшая раса и есть все остальные.

Идеология, построенная в пьяном угаре и депрессивной морали, давила в нем все человеческое. Георгий когда-то посеял обиду, а взрастил ненависть. Только вот он хотел мести. Не знал, кому же будет мстить.

И решил... Всем. Всем, кто не носит отпечатка бога. Всем, кто почитает Аллаха, всем, кто засомневается в том, что его раса – избранная. "Только путем страданий и боли можно придти к очищению." – думал Власов. Ну что ж, так и быть.

В холодный мартовский день 2012 года он решился и с тех ни разу не пожалел. Пока что.

Трамвай гулко остановился и открыл свои шумные двери. Помимо самых обыкновенных, цветастых людей, в него зашли двое странных и не совсем манерных мужчин. Их костлявый акцент и неаккуратная небритая внешность ярко указывали на южное происхождение.

Георгий сидел ближе к машинисту и безынтересно смотрел в окно. Давно он не вспоминал о смерти родителей. Глаза слипались спросонья, пришло осознание, что это был лишь сон. В нем мама нежно звала его на обед со двора, а он дулся и отказывался. Затем следовала страшная картина суда, где он находился в одном помещении с убийцами родителей и еле сдерживал себя, дабы не растерзать их, не выходя из зала. Надо же что приснится... Тогда он слыл простым пареньком с улицы, а сейчас с каждым годом становился все более отороженным неприятелем людских порядков. Он даже сидел, сняв ботинки. "Ноги запотели" – объяснял он сам себе.

– Денег нет, дай так доедем. – Послышалось из глубины полупустого трамвая.

– Тогда выметайтесь на ближайшей. – Последовал строгий голос билетера.

– Да нам три остановки, войди в положение, отец.

Двое упрашивали слегка пожилого билетера дать им проехать буквально немного, но тот оказался неприступным.

– Нет, господа, вы выйдете, понятно?

В ответ те только замахали руками. Намечалась стычка.

– Давай так, мы тебя не трогаем, и ты нас тоже не трогаешь.

– Не могу, сейчас проверка придет, полицию вызовут. – Седой мужчина вытирал пот с лица. День выдавался жарким и солнечным. – Вы задерживаете людей.

Трамвай остановился, двери открылись и в них, как в трубу, потянуло людей. А нарушители так и не торопились выходить.

Власову оставалось проехать всего две остановки, которые находилась прямо у дома. С сонным и недовольным лицом он уставился в окно, лишь мельком слушая происходящее сзади. Внутри себя он постепенно накалил от наглости двух безбилетников.

– Даю вам пять секунд, чтобы вы вышли! – Грозно промолвил билетер.

Нарушители в один момент дрогнули, но продолжили сидеть на своем месте. Судя по всему, перспектива быть атакованными этим хлипким дедушкой их не пугала.

– Тоня, постой тут. У нас проблемка.

– Что там? – Послышалось из кабинки вагонновожатого.

– Два безбилетника, дерзкие.

– Ну так выкури, Степаныч, штатная ситуация.

Переговаривались через весь вагон. Часть пассажиров предпочла высадиться здесь, от греха подальше. Но Власов сидел и выжидающе прислушивался. Чем-то это закончится. Но вот чем?

В вагоне трамвая осталось четверо, не включая действующих лиц и Георгия. Трамвай продолжал стоять под напором принципиального билетера.

– Степаныч, через полминуты поеду.

Старик ей не ответил. Вместо этого он достал телефон и принялся звонить в полицию. Над этим нелепым действием двое кавказцев звучно посмеялись. Еще один человек покинул вагон.

Георгий тихонько надел снятые ботинки и стал еще внимательнее наблюдать за происходящим. Ему интересно, чем все закончится, но одновременно с этим не хотелось получить проблем на свою голову. Ареста на ночь ему с лихвой хватило на много дней вперед. И если бы не ужасающий сон про родителей, Георгий не решился бы.

– Выметайтесь нахер, нелюди!

Власов энергичными шагами сократил расстояние между собой и местом действия. По ходу движения он достал из-за пазухи нож. Сон о родителях напомнил ему о его главном предназначении – ненавидеть.

Нарушители, до сего момента не сомневавшиеся в своей силе, сейчас отступили. Их вид переменился, позы стали закрытыми, а тела медленно потянулись к выходу.

– Эээ. Хорошо, мы уйдем, ты только нож убери.

Гоша не стал их слушать. Знакомые маневры, чтобы выиграть время. С ними он сталкивался уже не раз. Важна непримиримость борьбы, а не ее методы.

Кавказцы шустро выбрались из вагона. Власов убрал нож. Билетер, не ожидавший такого поворота событий, смерил Георгия удивленным взглядом. На что получил громкое молчание. Только вернувшись на свое место, Георгий гаркнул машинистке:

– Поехали уже, сколько можно стоять!

Она удивленно посмотрела в зеркало, послушалась и привела грохочущую Татру в движение.

Глава 6

Огромные тучи повисли над городом. Солнце скрылось и обещало вернуться только к вечеру. Георгий тем временем проспал целых три часа и с удивлением заметил, что время уже 14:30.

Не найдя Василису в квартире, он лишь спустя некоторое время вспомнил, что она вернется в 9 вечера, так как сегодня работает.

Продуктовая лавка, где сейчас горбатилась его девушка, находилась вниз по улице в паре кварталов и представляла из себя небольшой магазинчик на первом этаже панельной девятиэтажки.

Насколько он себя помнил, она всегда там работала, получая неплохие для себя 25 тысяч рублей. В отличие от нее, он промышлял мелкими грабежами и стабильность его доходов ставилась под большое сомнение.

Василиса искренне и глубоко ненавидела свою работу, но необходимость помогать больной матери толкала ее вперед.

Иногда она даже получала премии. Но в целом не представляла из себя ничего особенного как продавец.

Василиса боялась увольнения, поэтому не работала плохо и одновременно опасалась пробыть здесь всю свою жизнь. В сентябре ей стукнет 24. Идеальный возраст для создания семьи. Только вот стоит ли ей связывать себя с Георгием?

Из-за своих сомнений она не могла окончательно перебраться к Власову. Жила она поочередно то у него, то у матери. Плюс ко всему последней требовалась ее помощь. Инвалидное кресло часто ломалось, да и ограниченность перемещения сама по себе требовала повышенного внимания.

Георгий помогал весьма редко, но в такие моменты был щедрым до невозможности. Он даже как-то украл для матери Василисы коляску, но та ее не приняла. Она, в отличие от дочери, понимала всю опасность связи с таким человеком. Пыталась влиять и на дочь, иногда даже с успехом.

Но в целом Василиса не подчинялась ее влиянию, оставляя за собой право выбора. Георгий тоже никогда не являлся для нее абсолютным авторитетом. Они часто ругались, ссорились, мирились, приближались и отдалялись. В этом плане Василисе остро не хватало стабильности, вся в мать...

Анна Григорьевна никогда не жила с одним мужчиной больше 8 лет. За всю свою пятидесятилетнюю жизнь мать Василисы сменила четверых мужей, второй из которых и приходился отцом девочке. Наиболее стабильные отношения у нее сложились с поляком Слободаном – третьим мужем.

Добрый, отзывчивый и честный, он заботился о падчерице, учил ее грамоте, преподавал ей историю и физику на дому. Он работал простым учителем в школе, любил выпить. Покуралесив, возвращался к обычной жизни как ни в чем не бывало. Хорошая особенность для хорошего человека.

Но как-то раз он перепутал свой велосипед с чужим и был за это жестко наказан. Следствие такого, казалось бы, пустякового проступка возглавил ярый следователь-националист. Судья тоже не относился к делу беспристрастно и как результат – 5 лет колонии общего режима за самую простую кражу обыкновенного велосипеда. Анна Григорьевна не стала дожидаться мужа, развелась и быстренько нашла себе другого, попутно переехав в инвалидное кресло после автокатастрофы.

Еле сводя концы с концами, маленькая Василиса пошла работать в 14 лет. В один из периодов своей жизни она даже неплохо продавала себя, но после достижения возраста совершеннолетия пошла продавщицей в магазин.

Василиса рано повзрослела. Она никогда не верила в любовь и была сурова, пока не повстречала очередного покупателя в магазине – Жору. Тот еще работал в строительной компании и неплохо себя обеспечивал, хотя и являлся страстным поклонником идеи расовой теории. Это не пугало Василису – главное, что при деньгах.

Спустя полтора года – зимним днем 2015 года Георгия уволили по статье за вредительство. Промытый и идеологи-

чески окрепший, он не желал более "горбатиться на галерах" и обозначив себя как высшее существо, сжег один из станков. Тогда его даже пытались отмазать, что привело лишь к увольнению, а не уголовной статье. Но это только цветочки, ягодки ждали его впереди.

Он постепенно захламил свою квартиру, доставшуюся от родителей и стал проводить целые дни, занимаясь небольшими грабежами и преследуя людей. Василиса, и так знающая о его непростом характере, по-настоящему открыла для себя негативную его сторону.

Георгий ее избил. Один раз за всю историю их отношений. Василиса не раз колебалась насчет того, стоит ли бросить его. Но чувства взяли верх над прожженностью и суровостью, оставили девушку с молодым человеком вместе. Вот тогда она отчетливо поняла, сколько в нем ненависти и необузданности. Злость казалась ей даже сексуальной и она нашла гениальный выход из ситуации. В минуты гнева она просто заставляла его совокупляться, перенося избыточную энергию в эротичное русло. Он успокаивался, а она удовлетворялась. Таким образом оставались целыми окружающие предметы и, возможно, люди.

Теперь же они оба неслись к тупику. Оба не хотели создавать ячейку общества, оба не желали расходиться. Что же будет дальше?

Послышался звонок на телефон. Власов энергичными движениями подошел к нему и нажал зеленую кнопку на сво-

ем стареньком сенсорном самсунге.

– Кто вещает?

– Привет... – Пауза в телефоне. – Подъезжай завтра в 12 часов, если можешь, давно не виделись.

Да уж, давно. Человек на другом конце трубки все еще что-то значит для Георгия. В нем не приходилось сомневаться, особенно когда ты отчаялся и не знаешь откуда ждать помощи. Георгий же всегда знал, откуда она может придти.

Власов сморщил лицо. Он скучал. Скучал по чему-то безмерно светлому, и невероятно далекому. В его глазах светилось солнце и бил яркий свет. Звонок напомнил ему о чем-то, что тот давно позабыл.

Еще один звонок, Власов даже не стал смотреть кто звонит. Сразу схватил телефон и с надеждой быстро процедил:

– Снова ты, забыл поздороваться, прости...

– Ты чего там, Жора, белены объелся?

Голос на другом конце трубки изменился, Власов даже как-то ненадолго обиделся и только потом пришел в себя.

– Кто звонит? – Неосторожно выдавил он.

– Гоша, мать твою, ты хотя бы смотри, от кого входящие, это Глеб говорит.

Власов сокрушенно плюнул на пол и ударил по столу. Проявилась в уголках губ легкая улыбка.

– Говори что хотел, с Москвичом что?

– Да вот как раз из больницы звоню, нормально все, пару ребер разве что сломали, домой отправили. Мы сейчас на

базу поедем, тачка есть. Сказали, чтобы там и ты находился.

– Во сколько?

– В 4 часа. Успеешь?

– Да.

Власов повесил трубку. Не время расстраиваться. Надо было собираться и ехать.

Георгий даже не захотел привести себя в порядок. Он редко следил за своей внешностью. Ему неинтересно, что думают об этом окружающие. Только самая удобная и практичная одежда, только самая свободная обувь. Больше ничего не надо.

До базы не вел ни один трамвай и не ходило ни одно такси. Членам Братства запрещалось приезжать сюда на общественном транспорте, а личный автомобиль, если он имел место быть, необходимость подталкивала оставлять за пределами промышленной зоны в целях конспирации.

Еще одним обязательным правилом считалось прибытие на место вовремя, за опоздания наказывали избиением. Угроза физического применения силы насаждалась постоянной и неизбежной частью при любых значимых событиях. Любой из членов братства мог быть наказан даже за малейшую провинность. Только так отбирались самые лучшие и стойкие.

К 15:35 Власов вышел на конечной трамвайной остановке, а к 15:55 добрал до Базы. Вела туда и автомобильная дорога. Но опять же из-за конспирации, члены братства ею не

пользовались.

Шли к месту по специальной лесной тропинке. Она вела через многочисленные пригородные посадки клена и берез. Особенно преображаясь осенью и в конце весны. Приблизительно два километра протяженностью, тропа вела через одну единственную речку, над которой подвесили мост. Вид с нее завораживающе встречал путника. Но отнюдь не все члены Братства могли оценить всю красоту пейзажа из-за беспечного малодушия.

Мысли у них царили другие и резко контрастировали с окружающей природой. Люди делились с лесом страхом, сумрачными планами и несбывшимися надеждами. Обитали здесь и великие мысли. Они выскакивали из-за берез и летали в воздухе снежными крупичками. Материализация погани красотой – великая сила природы.

Сам заводской комплекс являл собой бывшее могущество и вялость одновременно. Окончательно заброшенный еще в 1999 году, сейчас он разваливался и стремительно ветшал. Здесь находился и цех по производству пива, на котором работали когда-то Панфиловы. Здесь же когда-то работал и трубопрокатный отдел. Вся сила Советского Союза осталась здесь и разрушалась с каждым годом все сильнее.

Члены братства ненавидели здешнюю атмосферу "совка". Но она как нельзя кстати подходила под их тайные сходки. Таких трупов великого прошлого по всей стране было не счесть. И уж кто-кто, а многочисленные и наивные неона-

цисты точно не видятся продолжателями великих дел. Недоросли до предков.

Власов подошел к одному из технических тоннелей в 15:57 и стал ждать. Через минуту появятся Васинько с Москвичом. Шли они позади Власова. Георгий рационально решил, что ждать лучше на входе в сакральное помещение, чем посреди леса, где он не был до конца уверен, что кто-то появится в дороге.

Из-за леса показалось двое, за ними еще столько же. Те, кто шел по промзоне первыми, и были нужными Власову людьми. Москвич передвигался с небольшим трудом. Сломанные ребра мешали дыханию и тот хрипел. Хрипел настолько громко, что Власов слышал его даже в полусотне метров от себя.

– Ты как? – Спросил Георгий.

– Лучше не спрашивай, татухи не тронули, и ладно.

Глеб шел рядом и нежно ловил капли начинающегося дождя. Вдалеке слышались раскаты грома.

– Кайфовая погода для собрания, будто сам Зевс нам покровительствует. – Заявил он.

Позади них шло еще два "брата". Оба похожие друг на друга. Черные футболки, сжатые, как лимон, недовольные лица, мощные тела и высокий рост делали их близнецами. Хотя они даже общались с трудом. Характеры сильно различались.

До нужного места оставалось пройти 150 метров по техни-

ческому туннелю. Его диаметр измерялся 180 сантиметрами, из-за чего Мкаду приходилось немного нагибаться. Повсюду шныряли крысы и капали с потолка первые признаки дождя. Пришедшие ориентировались по кусочку яркой желтизны впереди. По свету в конце этого небольшого туннеля.

Москвич старался хрипеть тише, но эхо от давящих объемных звуков все равно звучало громко. На него оглядывались и старались держать дистанцию.

– Входите.

Голос человека, сказавшего это, выглядел настороженным и взволнованным. Никто из вошедших так и не мог определить, кто именно говорил, зато все прекрасно знали, что это звук из микрофона.

В помещении вместе с пришедшими находилось порядка 20 человек. Все сидели на притащенных сюда лавочках. По бокам расходилось 4 туннеля, 3 из которых заварили когда-то решетками и захламили так, что разобраться, куда же ведут эти утробы, не представлялось возможным.

В помещении было темно, только одинокий фонарик освещал спины сидевших, с трудом позволяя им увидеть друг друга.

– Все в сборе, хорошо. – Продолжал надрывно трещать старый микрофон. – Я хочу, чтобы вы все встали.

Сидевшие подчинились. Все как один, встали и посмотрели впереди себя.

– Выгните руку к плечу.

Власов выгнул руку первым, остальные послушались микрофон немного позднее него. Словно бомба упала на землю, микрофон завопил:

– Зиг Хайль!

– Зиг Хайль!!! – Повторили за микрофоном все остальные.

Голоса, словно в детском хоре, выточенные и мощные, звучали все как один. По туннелям разошлось гулкое эхо. Казалось, что даже микрофон удивился подобной слаженности.

– Братья, пора нам всем братья за дело и возродить величие предков. Каждый из вас выполнит поставленную перед вами задачу. Только вы способны ее выполнить.

Никто так и не сел. Все стояли и складывали руки в нацистском приветствии. Молодые, высокие и белокожие, люди знали, что они все – единое целое. Здесь, в этом подвальном помещении, они перекрещиваются в странном соитии и с каждой минутой делают себя лучше, а других людей – правильнее.

– Роммель!

– Да. – Послышалось из центра второго ряда.

– Последуйте на центральную площадь и поставьте там заготовленное чучело. Это самое ответственное задание. Не завалите его.

– Зиг Хайль!

– Борман, Бок, раздайте листовки в указанном мною рай-

оне.

– Зиг Хайль!

Так продолжалось ровно до того момента, пока не назвали Власова, Москвича и Васинько. В качестве позывных использовались имена генералов и командующих армиями в Третьем Рейхе. Так было проще сориентироваться и сохранить конфиденциальность. Так, Васинько имел позывной "Паулюс". Позывные же Москвича с Власовым оставались прежними.

– Ваша задача, совершить еврейский погром в указанном мною адресе. По нему проживает жид с семьей. Самого его не трогать. Только лишь разгромить его магазинчик, ничего более.

Все трое вскинули руки в знак нацистского приветствия. Все трое знали, что им нужно делать.

Собрание окончилось. Продлилось оно всего час, но за это время каждый успел получить задание. Указывались и даты их исполнения. Братство избегало излишнего внимания властей и поэтому не проводило всех акций разом, ограничиваясь мелкими одиночными всплесками. Все розданные приказания надлежало выполнить в течении недели до 11 июля 2017 года. Очередь Москвича, Георгия и Глеба приходила следующим вечером. Надо было лишь обсудить, как следовало действовать.

Троица уходила из помещения для собраний одними из последних. Пресловутая конфиденциальность не позволяла

покинуть место преступления всем членам Братства сразу. Необходимо соблюдать интервалы в 5-7 минут и уходить небольшими группами. Лишь спустя еще час настала очередь группы Мкада.

– Значит так, завтра собираемся вот по этому адресу. – Москвич показал Глебу и Гоше бумажку с нужным адресом. Думаю, в 22:00 будет в самый раз.

Васинько сложил руки на груди и с ученым видом спросил:

– Ты там бывал прежде?

– Да, три дня назад с Малым. – Москвич кивнул в сторону маленького лысого человека, уходящего в лес с предыдущей группой. – Только разошлись, как этот жидяра выскочил на нас с ружьем и вызвал ментов. Пришлось отложить дело на несколько дней. И вот завтра мы поквитаемся.

Пока Глеб разговаривал с Мкадом, в голове Георгия росло непонимание. Почему их не наказали? Почему не отвели в сторону и не избили? Его самого не раз уже месили в наказание за провинности, но в этот раз никого трогать не стали.

– Власов, тебе все понятно? – Одернул его Мкад.

– Вполне, завтра в 22 часа по указанному адресу.

– Лучше взять перчатки, поищу. И не опаздывать!

Москвич казался сейчас расчетливым и спокойным. Обман. У него тряслись руки и бегали глаза. Признаки волнения не скрылись от внимательного наблюдения Васинько. Еще в кадетке он не шутку заинтересовался психологией и

физиогномией.

Москвич был в гневе и предвкушении. Завтра он оторвется на полную катушку. Нужно лишь подождать.

– Все, до завтра.

Глеб с Гошей и заметить не успели, как их приятель скрылся из виду. Только все утихающее хрипение помогало определить, что он все еще недалеко. Васинько взял Власова за плечо и знаком попросил не торопиться. Убедившись, что Москвич ушел, Глеб заговорил:

– Извини, надо поговорить.

– О чем?

Вид у Власова был явно скучающим. Он не в первый раз слышит слова тревоги от Васинько. Тот часто, почти перед каждым "делом" наскучивал нытьем.

– Я не пойду туда.

Это Власов слышал впервые. И, мягко сказать, удивился.

– Ты нас кидаешь, гнида? – Георгий прижал Глеба к ближайшей стене и угрожающе посмотрел ему в лицо. – Завтра мы повеселимся от души, а ты так и будешь собирать крохи с пола.

– Да что мне твое веселье. Мне жизнь дороже. Даже не моя, а этого жида.

– Значит ты евреев жалеешь, а ты вообще знаком с расовой теорией?

– Знаком, и по более твоего. Это же ты всю необходимую литературу лишь по картинкам изучаешь. А я ее, между про-

чим, очень внимательно читаю.

Васинько поднял подбородок и улыбнулся. Один ноль в его пользу. Власов же отпустил плечо товарища и ехидно спросил:

– И зачем же ты тогда на мента напал? Ты же приключения любишь.

– Пьяный был, не соображал. Да и головой подумай. Грохнуть еврея и посидеть ночку в камере абсолютно разные вещи, не находишь?

– Никто его убивать не собирается. Это обычная показательная акция. Запугаем этого еврея, напугаем других, чтобы неповадно было. Пусть валят из нашего города, из нашей страны.

Глеб прекрасно знал, что не стоило начинать подобный разговор. Он понимал, что по отморозенности Власову до Москвича оставался всего один шаг. Георгий также легко поддавался на убеждения об исключительности одних и ничтожности других. Когда в тебе кипит злоба, вживить такую похабную идею в мозг – проще простого.

Сам Глеб легко мог стать антисемитом, но предпочел умеренные убеждения. Национализм с его лозунгом "Россия для русских" не представлялся ему таким кровавым, каким являлся неонацизм в его радикальном проявлении. Именно поэтому Васинько осаживал себя и старался остепенить других.

– Не убьем сейчас, убьем потом. Я же знаю, насколько Па-

ша (Москвич) их ненавидит. Насколько он промыт устаревшими идеями о мировом господстве. Он серьезно думает, что ограбив какой-то жалкий магазинчик, ему удастся построить Четвертый Рейх.

– Удастся! – Неожиданно для себя сквозь зубы процедил Власов.

Васинько ошалел. Он всегда считал, что Георгия можно вытащить из купола навязанных ему убеждений. Сейчас к нему пришло разочарование. Видимо, не сегодня.

– Как? Ни ты и не он не сможете вдвоем ничего. А Братство лишь игрушка в руках отпетых дураков. Все эти приказания нелепы и бесполезны, они ничего не решают, а лишь подставляют нас.

– Уходи... Если хочешь. После таких слов Мкад бы точно тебя сдал как предателя. Мы выстроим это государство внутри себя. Там не будет евреев, китайцев, черных и других отбросов. Только идеологически и расово чистое общество, в котором будут жить славяне. Наши братья и сестры.

Васинько обреченно посмотрел на Власова. Сейчас Глеб потерпел сокрушительное поражение. Он никогда и не поддерживал вживляемые остальным наивные и мертвые мечты. А может и не стоит пытаться свернуть с дороги? Все-таки человек живет этим, дышит. Неправильность и глупость идеалов – не приговор, приговор – их отсутствие.

– Я останусь, мне это нужно и не спрашивай зачем. Все равно не поймешь. – Глеб сделал многозначительную паузу.

зу. – Завтра в 22:00. Пока.

Глеб ушел, оставив Георгия наедине с самим собой. Сомнения грызли его. Слова, безусловно детские и нелепые, опутали его мозг настолько, что в один момент он даже в них поверил. Хорошо, что силы разума хватило Георгию для того, чтобы осознать свою глупость. Теперь он знает, что его точно промыли. А еще Власов понимал, что принял свою беспомощность перед чужим влиянием. Васинько, наверное, завидовал ему.

Может быть Георгий впал в безрассудство, чтобы не отпускать от себя идею? Держаться за нее, какой бы глупой она не казалась. Благодаря идее он живет. Если ее не станет, не станет и его самого. А искать другую Георгий не находил силы.

Глава 7

– Алексей Игоревич Шпаков?

– Да, это я, что хотели?

– Вам посылка, держите.

– От кого?

– Распишитесь.

Курьер, принесший странный конверт, не выглядел бодрым, несмотря на то, что работал ранним утром. "Тяжело человеку с постели вставать" – подумал Алексей Игоревич и безмолвно принял конверт. Сорвал печать и раскрыл утренний сюрприз. В письме было написано:

"Приеду в 2 часа дня, ненадолго, вечером работа

Твой племянник Г.И"

Алексей Игоревич тяжело вздохнул. С племянником у 66-летнего старика были натянутые отношения. Молодой человек не хотел принимать его многолетнюю мудрость и опыт. Вместо этого тот просто жег свою жизнь. Шпаков знал, в чем дело, но вмешивался осторожно, стараясь не портить отношения.

На часах 8:45 утра. К этому времени Алексей Игоревич успевал позаниматься йогой, приготовить фруктовый салат и поесть, совершить трехкилометровую пробежку. Впереди ждали не менее важные дела.

Шпаков надел белое кимоно и еще около часа посвятил на медитацию и занятию карате. Чуть позже он сходит в спортзал. Затем выпьет стакан молока и примется за работу.

В свои 66 Алексей Игоревич несколько не желал стареть. Занятия йогой и карате являлись ежедневными. Пробежки – 3 раза в неделю. А ведь 13 июля, чуть больше чем через неделю ему стукнет 67.

Седовласый, но жилистый и загорелый, он до сих пор привлекал внимание противоположного пола. На него с завистью заглядывались пузатые, рассыпающиеся в песок старички из соседних домов. Но в целом отношения с ними у Шпакова были отменные. Временами он помогал им с хозяйством и сумел даже отучить двоих из них от алкоголя. В награду он получил суровую благодарность – набожное окружение считало его сатаной.

Жил Алексей Игоревич на окраине города, в северной его части. Свой частный дом и прилежащий садовый участок он держал в порядке и чистоте. Даже на фоне других зданий его отнюдь не маленькое домишко смотрелось молодо и свежо. А два пристроя – баня и сарайчик для велосипеда вообще казались футуристичными.

Жизнь Шпакова не казалось ему самому легкой. Он вкусил в ней все, что только можно. От страха до восторга, от ненависти до любви. Много чего пережил и сумел преодолеть. Он заслужил свое право на безбедную старость вдали от городской суеты. А в тишине рыбалки можно и поразмышлять спокойно. Но сегодня он будет не один.

В 10:40, после всех утренних дел, его забрал на своей машине сосед – Денис Викторович. Бравый мужик без прикрас. Пенсионер в свои 58. Вместе они смотрелись немолодо, но Алексей Игоревич выглядел все же лучше.

До нужного места – местной речки, необходимо было проехать всего полтора километра. Плевое расстояние для Шпакова. Но не для его спутника. Да и лодка за тяжело давила на спину.

– Как жизнь молодая, Леха?

Самым главным достоинством Дениса Викторовича Шпаков выделял неистощимый позитив, убивающий и неубиваемый.

– Уж краше вашей "Нивы". – Отозвался непринужденно бодрый рыбак. – Сегодня на Остров меня повезешь?

– Да, там удить утром самое оно. – Тут Денис Викторович заговорил пылко, с жаром. – Окунь, щука, даже сом забредает.

– Знаю. – Вздохнул Шпаков. – Ты мне вот что скажи, внучка приедет завтра? А то мне английский некому преподавать.

Денис Викторович посмотрел на своего приятеля так, как дураки смотрят на умных и задал встречный вопрос.

– А твой ублюдок-племяш не хочет к нам на огонек заскочить?

Алексей Игоревич проигнорировал оскорбление в адрес родственника. Даже улыбка не исчезла с его губ. Он спокойно ответил:

– Сегодня обещал в 14 часов, письмо даже прислал, бумажное.

– Успеем, мы сегодня ненадолго. Правда знаешь, не хочу я с ним пересечься сегодня. Ты понимаешь.

Оба посмотрели на часы. Дома каждый из них будет как раз через три часа. А пока можно порыбачить, успокоить нервы и отдаться природе.

Солнце нежно ласкало свежую летнюю землю. С дерева на дерево над рекой пролетали птицы. Щebetали голуби и суетились на ветках дятлы. По лесной подстилке ползли и скрывались змейки, зайцы и полевки. Природа жила и крепла. Лето вступало в свой зенит.

Клевало сегодня действительно хорошо. Денис Викторович поймал шестерых окуней, Алексей Игоревич восемь и

еще оба поймали по щуке. В отличие от соседа, Шпаков отпускал рыбу обратно в воду. "Живое должно жить" – думал всегда он. Денис Викторович же всегда брал с собой контейнер для рыбы и привозил домой, чтобы внуки да дети полакомились.

Шпаков нашел время для того, чтобы оставить удочку и буквально на несколько минут погрузиться в мир медитации и покоя. Он не любил в такие моменты разговоры. Рыбалка – дело одного. Так считал Алексей Игоревич, в отличие от Дениса Викторовича, потягивающего бутылочку Жигулевского вдали от жены.

– Я ж закодировался, нельзя.

– Так не рискуй, замени водой.

– Ты как себе это представляешь? Не могу, а точнее, не хочу. Я, Леха, мужик простой, не то что ты. И сухой закон мне не нужен.

Нива поскакала обратно от острова через небольшой мост в поселок. В 13:40 они въехали в мир небольших частных домиков и садовых участков. Ясное небо освещало дорогу лучше любого фонаря, который только может гореть на планете. Во всем чувствовалась размеренность и неторопливость. Да и куда теперь уже торопится, когда тебе скоро 70 и все ты в жизни повидал?

Старенькая Нива подъехала к дому Алексея Игоревича и остановилась, немного не доезжая до него. Около калитки на корточках сидел молодой человек и что-то разглядывал в

своём телефоне. Затем, когда подъехала машина, он убрал его и стал вглядываться в лица приехавших. Это был Власов.

Эмоции в салоне машины резко стали другими, можно даже сказать, прямо противоположными тому, что царило минуту назад. Алексей Игоревич радостно улыбнулся, а Денис Викторович злобно отвернул взгляд от посетителя и тихо произнес, словно не хотел, чтобы его услышали:

– Никак племяш твой на огонек заскочил, как и обещал.

– Да, он самый. Ладно, не будем раздувать конфликт, поэтому до завтра.

– Ага, во столько же, и да, за машину деньги держи, помог. – Денис Викторович залез в бардачок и достал оттуда три тысячи за ремонт автомобиля. Шпаков в технике очень хорошо разбирался и зарабатывал починкой.

Дверь машины открылась. Алексей Игоревич вышел наружу. Улыбка на лице стала только шире. Власов встал и тоже улыбнулся. Как бы они не конфликтовали, а на всем белом свете нет людей роднее друг для друга. Денис Викторович проехал вперед и скрылся за высоким деревянным забором.

– Здравствуй, Гоша!

– И тебе привет, дядь Леша.

Объятия, мужские, дружеские, крепкие, перешли в пылкий, но чуткий разговор на кухне за кружкой чая.

– Давненько не приезжал, на день победы тебя в последний раз видел. Где был, что делал?

– Да так, подрабатывал местами, думал в стройку вернуться, не получилось. – Георгий деланно принял сокрушенный вид.

Но Алексей Игоревич знал в чем дело. Точнее, подозревал. Его чуткости и спецназовской афганской выучки хватило на то, чтобы без труда определить, что племянник ему врет. Врет уже шесть лет. Но Шпаков не обижался, он понимал – об участии в неонацистском движении никто в лоб не говорит, особенно ветерану-афганцу.

Подозревал также Шпаков и тот факт, что Георгий не работает. Вместо этого он занялся грабежами и мошенничеством. Многие бы сочли его безнадежным, но только не Алексей Игоревич. Шпаков считал племянника заблудившимся ягненком. Маленьким теленком, отбившимся от стада. А он – старый вожак, пытающийся вернуть малыша в привычное общество.

Да вот только сам Георгий навряд ли этого хотел. Он понимал, что если бы не родной дядя – единственное, что еще ценно в этой жизни, то он бы давно сам слетел с катушек. Только мудрый старичок помогает ему и тормозит путь в пропасть. Вот и сейчас он приехал сюда неспроста.

Власову нужен совет. Ответ на один очень интересующий его вопрос. Проблема крылась в другом. Как сформулировать вопрос, учитывая то, что дядя не знал предмет его занятий?

Власов начал издавека.

– Дядь Леш, вы любите перемены?

– Школьные? – Пошутил Алексей Игоревич.

– Нет. – Смущенно улыбнулся Георгий. – Вы прекрасно знаете, о чем я.

– Эх... – Шпаков вздохнул и после долгой паузы продолжил. – Я любил то, что приходило после них. Сами перемены болезненны и тяжелы. Хочешь перемен в своей жизни?

Алексей Игоревич вел свою игру. Его цель – раскусить племянника, изменить его натуру. Шпаков чувствовал, что путь, по которому идет Георгий, мягок и хлипкок. Надо лишь умело надавить там, где это нужно.

Повисло еще одно молчание. Георгий думал.

– Не знаю. Просто стараюсь понять, что мне нужно.

– Расскажи.

– О чем?

– О том, чего ты хочешь. – Алексей Игоревич сел прямо напротив Георгия, сократив расстояние между ними.

– Определенности, хочу определенности во всем. Мне вчера исполнилось 28, а я так и не понял, что мне нужно. Такое ощущение, что я застрял.

Дядя снисходительно улыбнулся своему племяннику.

– Начни с того, что ты любишь, а после отсей остальное. Это работает.

– Почему вы так решили?

– Потому что в 24 пошел в армию и там стал мужчиной. Потому что 5 лет потратил на театральный, но так и не понял, что я не актер. Потому что воевал там, с моджахедами

в пустыне. Потому что на моих глазах убили друга. А мы с ним пытались открыть бизнес двадцать лет назад. Все это я любил, несмотря на трудности. Любил. Все было легко, потому что прошел место, где думать не надо. Думают за тебя.

– Предлагаете пойти служить? – Усмехнулся Георгий.

– Нет, я помню про твою негодность. Я предлагаю тебе избегать однозначности. Чем ее больше, тем глупее ты становишься. Избегай мест, где ты не властен над собою.

Чувствуя тупик разговора, Шпаков решил разрядить обстановку:

– Чай?

– Да, давайте. Не откажусь.

Оба находились в своих мыслях. Алексей Игоревич праздновал небольшую, но все же победу. Впервые за долгие годы у них с Гошей произошел сдвиг. До этого все их встречи проходили под знаком недоверия, холодной враждебности. Сейчас же Георгий приехал к нему не за подпиткой своей злобы, а за поддержкой, за помощью. Холодная тупая уверенность сменилась легкой потерянностью.

Что бы не делал Алексей Игоревич, Георгий не хотел его слушать. Уговоры, угрозы, физическое воздействие. Все это лишь разрушало между ними связь, когда-то по-настоящему родственную, крепкую. Она начала сыпаться после гибели сестры и ее мужа – родителей Гоши. Теперь же на горизонте забрезжил рассвет.

Когда-то давно, во времени Гошиного детства дядя яв-

лялся для него авторитетом. Серьезный, мужественный, brutalный. Сейчас он был хлипким, мудрым стариком с боевыми сединами. Тогда маленький Гоша симпатизировал рафинированному образу.

История Алексея Игоревича началась 13 июля 1950 года. Учился в самой обычной советской школе, где никто не видел в нем выдающегося ученика, даже он сам.

С детства рос застенчивым и одиноким ребенком, поддерживаемым разве что родителями. В 1969-1974 годах учился в Театральном училище в Москве, но актером так и не стал по причине потери интереса к театральной деятельности.

Тогда он не знал, чем ему заняться и что делать. Решение своей проблемы он нашел в армии, где отслужил 7 лет, зацепив Афганскую войну. Служил в пехоте, где путем боевых заслуг и хорошей подчиненности дошел до лейтенанта. После армии ему пришлось трудно, но обретенная уверенность в своих силах не давала ему впадать в депрессию. В 1985 году он женился, но оказался бесплоден. Болезненный удар по мужскому самолюбию был очень тяжелым, но не критичным.

Прожженный и бесстрашный, в Новой России он пробовал возить и продавать машины, но натолкнулся на жесткую конкуренцию и после смерти близкого друга отступил. Купил себе дом неподалеку от родного города и по сей день живет там.

Только путем постоянного самоконтроля ему удастся дер-

жать себя в форме. Слишком уж непосильное у него прошлое. Забыть его не получится.

– Я поеду, пожалуй, проводите.

Голос Георгия, снова твердый и крепкий, вывел Шпакова из прострации. Он взглянул на часы. Время подбиралось к 6 вечера.

– Ты чего это, оставайся, завтра с утра и поедешь.

– Не могу. – Георгий тоже взглянул на источник мерного тиканья. – У меня сегодня дела.

Шпаков обо всем догадывался. Возможно, что завтра по новостям покажут последствия его дел. "Но всякий путь долог и труден" – думал Алексей Игоревич. Лишь бы приезжал почаще, а там он его вытащит. Словно понимая предмет "дел", старик сказал:

– Удачи тебе, Гоша, ты только береги себя.

Алексей Игоревич уже закрывал калитку, как Георгий вновь обернулся и с жаром произнес:

– Денис Викторович все еще злится из-за Катьки?

– Злится, не нужно было тогда тебе пьяным приезжать.

– Ничего, я извинюсь перед ними обоими.

Калитка закрылась плотно на засов. Пора работать, на очереди до завтра еще починка двух машин. А Георгий... Он приедет, надо только подождать. Лишь бы берег себя. Дурак.

Часть II

"Разговор с мудрецом"

Глава 1

– Андрон Романович, можно я пойду? – заголосила продавщица Надя.

– Да, конечно, прости. – Не сразу ответил ей Цапф.

Андрон полностью погрузился в свои мысли, подсчитывая, сколько сумеет отыграть у судьбы. Выручка сегодня хорошая. Почти 120 тысяч рублей за 11 часов работы. Надежда – стареющая, но продуктивная и улыбчивая продавщица, сегодня зажглась во всей красе. Так еще недельку и весь ущерб от налета новоявленных нацистов будет полностью возмещен.

Город уже погрузился в вечернюю тьму, когда Андрон отпустил Надежду и стал прогуливаться вокруг стеллажей с вином. Как бы там не было, а работы предстоит еще немало.

Цапф всегда сам проверял недостачу, занимался заказами и приемкой товара, помогал его разгружать. Часто принимал роль продавца или консультанта. Его любовь к вину выражалась в полной самоотдаче делу. Он сам себе менеджер, грузчик и продавец. Только он на самом деле знал, насколько качественен или плох товар.

Один только запах из бутылки давал ему всю информацию о напитке. Сколько ему лет, какая крепость, сорт винограда. Даже разновидность стекла не могла укрыться от внимательного взора Цапфа. Настоящий знаток своего дела.

Часто даже бывало, что Андрон отговаривал покупателя от приобретения того или иного напитка, находя его по запаху некачественным. Взамен рекомендовал хорошие заменители, а ширпотреб выбрасывал.

Поставщики оставались всегда одними и теми же. Стабильная цена, высокое качество. Только в сотой доле случаев мог возникнуть брак. Может по вине того, кто разливал, может по невнимательности. Но Цапф всегда доверял своим поставщикам. А ошибки и оплошности могут быть у всех, даже у самых заядлых мастеров.

Андрон Романович, как старинный родовой интеллигент, руководствовался честью и справедливостью при ведении бизнеса. За всю свою жизнь никого не "кидал", не переходил дорогу, врагов почти не наживал. Его характер скраивался из немецкой педантичности, польской утонченности и еврейской деловой хватки.

Местами ему не хватало жесткости, что компенсировалось отменным чувством такта и ума. Каждый шаг Андрон старался обдумывать. Действовали впопыхах лишь дураки. Цапф же не выносил спонтанности. "Жизнь – это игра в шахматы" – думал он. Ошибешься – твой король будет выведен с поля боя.

Маргарита Ивановна считала его чувственным и бескорыстным. Ксюша и Марина – добрым и щедрым, его клиенты – чутким и проворным. Сам же он не относил к себе все эти категории. Андрон Романович полагал, что все его положительные качества перечеркиваются самой простой нерешительностью. Настоящий бизнесмен идет до конца. Цапф до конца шел редко. Вот и сейчас свое решение написать заявление он критиковал и не понимал. "Что я, пьяный что ли был".

Возле его лавки проехал полицейский "бобик". Ничего удивительного, если бы он не остановился на минуту возле соседнего дома. Там как раз жили не самые благополучные люди. Однако из автомобиля никто не вышел и он уже через пару минут скрылся из виду. Предчувствие чего-то неприятного не покидало Цапфа ни на минуту. Он ждал. Только вот чего?

В 22:20 Андрон наконец закрыл магазин. В здании работала сигнализация, которую он поставил сегодня утром. При любом прикосновении к входной двери человеческих рук включалась светозвуковая сигнализация. По задумке, она заставляла нарушителей кинуться прочь от магазина. Андрона такая система привлекала еще и тем, что звуки внутри помещения также входили в зону действия системы.

Если вдруг упадет бутылка или кто-то посмеет зайти с черного входа, то вся местность в радиусе двухсот метров будет оповещена об этом. К тому же, цена вопроса не была

излишне дорогой. А эффект ожидался колоссальный.

Андрон устало двинулся через улицу. Сегодня он снова ездил в полицию выяснять, почему вдруг решили отпустить тех двух нарушителей. Лишь только после нескольких долгих часов ожидания ему сказали, что их отпустили под подписку о невыезде.

Известия успокоили расшатанные событиями нервы Андрона Романовича и он вернулся в привычное ему жизненное русло. Дома ждал теплый ужин. В душе подолгу мылась жена, а дети находились в своей комнате. Снова вечер, как тогда – три дня назад. Ничего не предвещает беды.

Только треск кирпичного камина да звук поющей в ванной комнате жены. Дом как дом, чего тут плохого...

Цапф зашел в прихожую, разделся. Лишь плеск воды наполнял дом звуком. Андрон Романович уселся в любимое кресло и затопил камин. Хотя на улице и тепло, а треск родных поленьев отнюдь не помешает. К тому же успокоит нервы, поможет восстановиться.

Заготовленные ранее дрова быстро загорелись. Цапф еще раз проверил камин и принялся за "Дон Кихота", опустошенно потягивая "Шардоне". В его умелых и нежных руках книга чувствовала себя комфортно, распознавая в Цапфе образованного знатока. С таким человеком опасно быть глупым.

К 23 часам дети должны улечься спать. Андрон пойдет после них. Он еще немного посидит, пока не дочитает главу. А вот Маргарита Ивановна все еще находилась в душе и даже

не собиралась оттуда выходить.

– Ох, и сколько же ты воды тратишь... – Проворчал еле слышно Андрон.

В этот момент с улицы послышался воющий звук, это был крик сирены. Его сирены!

– Нет, опять!

Цапф подскочил к окну и отдернул штору. Двое молодых людей пытались выломать дверь в его лавку. Андрон стиснул зубы и бросился к ружью. Из своей комнаты вышли Ксения с Мариной, вода в душе перестала шуметь.

– Что случилось, сирена? – Спросила старшая сонным голосом.

– Да, может сломалось. Идите к себе. – Мягко приказал им Андрон и сломя голову выскочил на улицу.

– Останови здесь. – Приказал Москвич Глебу. – Подождем немного. Пусть магазин закроет.

Мкад посмотрел на свои электронные часы. На темном, как ночь, циферблате зеленым ядовитым цветом горели цифры 22:04. Недолго оставалось ждать. Возможно, несколько минут.

– Заглуши двигатель пока. Шум нам ни к чему, да и горючку сохраним.

Васинько не сводил глаз с Москвича, пока тот смотрел в окно. Эти татуировки, символы и знаки казались ему привлекательными, необычными. Их многочисленность и визу-

альная красота доставляли Глебу какое-то странное удовольствие. Вот уже два года он тихо смотрит на них и не может понять, что же именно его цепляет.

Время двигалось медленно для одного и очень быстро для другого. Москвич все время поглядывал на часы и смотрел из окна УАЗика на винный магазин "Варсови". Прямо над дверью лавки горела яркая лампа, освещавшая бордово-черную вывеску магазина. На самой вывеске проглядывалось аккуратное и строгое "Since 2012".

– Интеллигент чертов. – Проворчал Москвич.

– Ты о ком?

– Да о том жиденке, он винный магазинчик держит. Это мы тогда налет устроили с лысым. А еврей этот мусорнулся. Нас повязали, а он заявление написал. – Москвич заскрипел зубами. – Скотина.

– Ты хочешь повторить налет? – Неуверенным голосом спросил Васинько.

Москвич медленно, словно робот, повернул к нему свое опухшее от разбитой скулы лицо и обнажив зубы, со злостью сатаны ответил:

– Нет, я хочу сжечь его!

Мкад сипло, едва сдерживая громкость звериного голоса, рассмеялся. Он затарабанил руками по панели впереди себя и опять взглянул на часы.

– Пятнадцать минут одиннадцатого, а ни еврея, ни Жоры как не было, так и нет.

– Давай ждать, что нам остается. Не полезешь же ты на рожон сейчас.

– А почему бы и нет?! Пора уже и нам силу показать.

Москвич собирался уже вылететь из УАЗа, как рядом с ними проехала полицейская машина и остановилась на минуту возле ближайшего дома. Затем снова поехала и скрылась из виду.

– Ну и что он останавливался? – Тихо проговорил Глеб. – Знаешь, я думаю, не все так однозначно.

– Ты о чем? – Злобно передернул Москвич.

– Власова нет, менты проехали, еврей твой не выходит...

– Всякое бывает. А Жорику я потом по башке настучу.

У Москвича тряслись руки от напряжения. Язык свешивался изо рта, будто в ожидании добычи. Глеб же выглядел спокойным и изредка поглядывал на товарища. С Пашей это всегда происходит, когда он чувствует запах жареного. Неожиданно для себя Глеб подскочил:

– Смотри, выходит!

– Его пока не трогаем, а вот магазин... Надо проучить гада!

– Когда начинаем?

– Через 10 минут. Если конечно Власов не подойдет раньше. – Москвич сделал многозначительную паузу. – Слился он похоже. Не в первый раз подставляет, сука. Пусть молится, что мы не начнем раньше, чем он вздумает придти.

Глеб сильно волновался, но не показывал этого. Тогда в

полиции он знал, что их троих отпустят. Сейчас же ситуация была другая. В случае обнаружения их с легкостью арестуют и посадят в тюрьму. У Мкада уже есть условный срок. А ему, Глебу, могут дать реальный. В силовых акциях Васинько никогда не участвовал, ограничиваясь пропагандой и увеселительными мероприятиями. И если бы не устрашающая животная энергия Москвича, Глеб, ни на секунду не задумываясь, сбежал бы.

Еще десять минут томительного ожидания. Москвича теперь уже стало не на шутку колбасить. Последовал удар кулака о крышу машины, Глеб от неожиданности съежился.

– Все, хрен с ним, пора.

Мкад вылетел из машины и со скоростью гепарда достал из багажника машины две канистры. Хоть автомобиль и вел Глеб, принадлежал он Москвичу.

– Нифига себе ты подготовился.

– Заткнись. – Отрезал Мкад и подал ему одну из двух канистр. – Держи!

Затем Москвич потянулся за двумя бутылками с тряпочкой у горлышка. Глеб сразу догадался. Коктейли Молотова.

– Идем!

Васинько отставал от Москвича на добрых три метра. Он не на столько быстрый и сильный физически, чтобы поспевать за рассчитанными, но горячечными действиями товарища. Они подошли к двери лавки, окна в ней фасада дома отсутствовали.

– Давай обойдем. – Рационально предложил Глеб.

Но Москвич снова отрезал:

– Нет, разнесем все в лоб.

По двери последовал мощный удар ногой. От сильного толчка сработала поставленная сюда сигнализация.

– Твою мать! Давай свалим, а?

Глеб приготовился бежать куда угодно, но что-то его все равно удерживало. Азарт? Нет...

– Стоять! Доведем до конца. Минуты две у нас есть. Не терять времени!

Москвич еще раз ударил ногой в дверь. Потом еще, и еще. Осознав безуспешность своих попыток, Мкад зарядил в нее плечом. Сделал это снова.

– Помоги! – Прокричал он Глебу.

Оба навалились, поочередно прошибая с разбегу. Дверь лишь слегка погнулась, даже не думая подаваться.

– Что делаем?

В ответ на вопрос Глеба Москвич отвинтил крышку канистры и облил ею дверь. Затем достал спичку, зажег и...

– Стой, тварь, застрелю!

В двадцати метрах от них стоял Цапф. В руках у него была та же двустволка, что и в прошлый раз. Такой же грозный, но немного неуверенный вид. Такие же страх и ненависть в глазах. По лицу читалось выражение, будто сжечь собираются не магазин, а его самого.

– Привет, жидок, ты все еще здесь? – Дразнил его Моск-

вич.

Глеб сглотнул и сделал шаг в сторону. Страх смерти перевешивал сейчас все остальное. Сердце колотилось как проклятое.

– Потуши спичку, умоляю тебя. – Цапф покрылся холодным липким потом.

Предохранитель взведен, курок слегка приспущен. Следующие секунды могли решить судьбы трех людей. Как же сейчас не хватало полиции, которая со своими спасительными мигалками прокатывалась тут полчаса назад. Сейчас закон недоступен. Есть только то, что у тебя в кулаке и внутри тебя самого. Пора решать. Сделать то, что требуется, а дальше будь что будет.

Но тут появилась своя полиция:

– Стой! Не стреляй в них.

Откуда-то сбоку выскочил Власов. Растерянной, но моментами твердой походкой он приближался к Цапфу с поднятыми вверх руками.

– Стой, Ты кто?

– Тот, кто опоздал. – Георгий глубоко вдохнул. – И заплатился за это.

Георгий остановился, между ним и Андроном оставалось не больше 10 метров. Цапф не стал поворачивать на него ружье, но держал в поле видимости.

Васинько воспользовался моментом и рванул что есть мочи. Андрон был готов сделать выстрел, но его остановил

громкий голос Георгия:

– Не стреляй! Пусть бегут. Оба! Их жизнь не настолько важна, чтобы ты сел в тюрьму.

Глеб скрылся за ближайшим поворотом и продолжил бегать. Страх перевесил влечение. Впрочем, как и всегда.

– Не слушай, он блаженный. – Тешился у поломанного входа в магазин Мкад. Его спичка затухла, а сирена перестала надрывно кричать.

– А ты уйди, не бери грех на душу. – Обратился к нему Власов. – На тебе итак есть висяки. Помоги мне сейчас.

Москвич понимал, что еврей может выстрелить, а еще он видел, что ружье было наставлено на него. И если Цапф повернет дуло в сторону, то ему не жить.

– Перестань, это же еврей. О чем можно говорить с евреем. Ты с ним еще и торгуешься? Бросай это.

– Да, торгуюсь, потому что ты не умеешь, я даю тебе слово, что мы закончим это дело, если ты сейчас же уйдешь.

Москвич снова достал спичку.

– Он не выстрелит, потому что еврей. А все они трусы. От первого до последнего.

Цапф не выдержал. Пуля вылетела из ствола и десятками маленьких дробинок рассекла воздух в метре от Москвича.

– Понял!?! – Заорал Андрон.

Вдалеке слышались сирены полицейских автомобилей. Наверняка ее вызвал кто-то из соседей. Звуки приближались. Через пару минут здесь будет все совсем иначе.

– Прости, но... Ты же не хочешь оставить Аню одну?

– Заткнись!!! – Проорал Мкад.

Он упал на землю. Забился в истерику. Москвича словно что-то надломило и заставило прижаться к остывшему асфальту. Кулаки пытались расцедить твердое покрытие, но сами рассекались в кровь об него. По сбитой скуле пробежала слеза.

– Ааааа...

Москвич ничего не пытался, да и не хотел сказать. Колосс, которому ударили по тонким ножкам. Андрон удивился тому, как лишь одно женское имя произнесенное вслух, способно уничтожить человека. Мысль, что не насилие решает проблему, а психология, нашла свое подтверждение.

– Иди к ней, ты ей нужен. – Георгий опустил руки и оглянулся на Цапфа, как бы спрашивая разрешения подойти к другу. Но не рискнул. – Иди, иди. Она ждет тебя, своего старшего брата. Своего единственного брата. Он сейчас далеко, но скоро будет близко.

Власов стоял на расстоянии и проговаривал слова как молитву, надеясь, что они подействуют на могучую татуированную тушу, полную злости и отчаяния.

Георгий сам на несколько минут будто выпал из реальности. Не оставалось гнева, ненависти, упрямства и боли в душе. Только свобода. Такого с ним не случалось давно. Необычное состояние спокойствия, даже несмотря на опасность ситуации. Спасти друга – вот что сейчас главное.

Москвич, словно заколдованный, встал, отряхнулся. Он потупился, смотрел вниз, на свои ноги. Шатающимися движениями подобрал обе канистры с бензином и побрел к своему УАЗу. Завелся тот быстро, без всяких проблем. В дальнем конце улицы уже виднелись три полицейские машины, когда одинокий, скромный выкидыш российского автопрома скрылся за поворотом.

Андрон с Георгием видели машину под светом полной луны, наблюдали, как та уходит куда-то вбок. Ни желания, ни возможности остановить Москвича у них не было. Первый поражался жертвенности второго, второй же удивлялся своему поступку и совершенно не боялся первого.

К месту происшествия подъехала "Газель" и из нее выскочили люди в масках. За ней еще две легковушки. Власов так и не обернулся, чтобы увидеть лицо Андрона. Прежде чем его оглушил подоспевший ОМОновец, Георгий только успел услышать до боли знакомый голос давно забытого друга:

– Жора!

Далее мир перед ним резко окрасился в черный цвет, а голос эхом отдалился.

Глава 2

Темнота в глазах сменилась большой резью и сильным головокружением. Власов будто потерял ориентацию в пространстве. Каждое его движение с болью отдавалось в голове.

Представьте, что вы оказались на глубине 10 метров под водой. На вашу голову беспощадно давят эти 10 метров тя-

желой океанической жидкости. Организму становится как минимум непривычно, а как максимум – неприятно. Точно такое же чувство посещало сейчас Георгия.

– Просыпайся! Хватит спать.

К Жоре подошел высокий сержант и открыл дверь камеры. Власов не вполне мог слышать чьи-то голоса. Словно в бреду, они с трудом доходили до разума и отдавались эхом в самых дальних его уголках.

Георгий чувствовал теплоту на затылке. Кровь. Местами запекшаяся, местами все еще свежая, она редкими каплями стекала по голове и высыхала на воротнике футболки.

Резко заболел локоть. Сержант ударил его туда дубинкой. Власов почти неслышно вскрикнул.

– Пойдем, тебя ждут, нацик.

Гоша с трудом поднялся, ноги его совершенно не держали. Единственное, что он полноценно ощущал, так это ноющую боль в локте и на затылке. Эти ребята не прочь лишний раз поиздеваться над такими людьми, как он.

Сержант вел его прямо по пустынному коридору. Свет здесь не горел и только так сквозь пелену тумана в голове Власов определил, что наступило утро нового дня. Коридор ответвлялся на мелкие комнаты – кабинеты, где сидели такие же незначительные служащие. Но одно из таких помещений представляло интерес. Туда-то сержант и вел Власова.

Внутри отличий практически не наблюдалось. Такая же массивная железная дверь. Грохочущая и писклявая, она ны-

ла и стонала при каждом прикосновении, будто требовала более уважительного к себе отношения. Стены отталкивали от себя вредностью и уродливостью. Их одежда – сползающая многолетняя краска, двигалась вниз, неравномерными шагами раздевая бетон. Стол посреди комнаты и два стула. Вот и вся мебель.

– Сядь. – Тихо приказал угрюмый сержант. – Руки.

Георгий вытянул вперед обе конечности. Сержант пристегнул их к столу наручниками. Сам же открыл дверь и уже на выходе также тихо произнес:

– Жди.

У Власова было немного времени привыкнуть к подобной обстановке. Он уже не раз бывал в таких ситуациях. Сидел на допросах, говорил монотонные и совершенно неразборчивые вещи, на которые с каждой минутой хотели наплевать все больше. Если ему понадобится и сейчас сказать какую-то глупую чушь, он сделает это. Даже стараться не придется.

Георгий почти полностью пришел в себя. Оставалась только ноющая боль. Разум очистился, восприятие отфильтровалось. Теперь он видит мир, слышит, чувствует его. Но по-прежнему не понимает. Ему не хватало чего-то. О нем Георгий и думал здесь, сидя прикованным к столу наручниками. Он знал, что если найдет в себе это "что-то", то его жизнь навсегда поменяется, а его пристрастия и желания станут пылью.

На волне своих рассуждений он задумался: а правильно

ли он вчера поступил? Власов поймал себя на жалости к самому себе. Нет, он готов отдать себя в жертву ради спасения других. Они вряд ли поменяются, а вот он вполне может. И все же Георгий сожалел.

Сокрушался, что пришел позже и не помог уничтожить неправильное. Сокрушался, что поставил себя на один уровень с каким-то жалким евреем. Сокрушался, что находится сейчас из-за него в обезьяннике и тратит свою жизнь на сидение за решеткой и пустые разговоры с такими же пустыми блюстителями порядка. Для себя Георгий решил. Его жертвенность – глупость и отсутствие здравого смысла.

Он опоздал скорее намеренно, чем нет. Потому что думал, что сможет уйти, не заплатив по счетам. Теперь стало окончательно ясно – он слабак и обречен жить всю жизнь пешкой.

Было одно время, когда он в пору своей юности подрабатывал промоутером. Раздавал всякие листовки на улицах, ходил с серьезным лицом и отсчитывал время, когда же сможет наконец пойти домой. Помимо всего прочего, Георгий понял одну вещь о людях.

Им ничего не надо... Они серые и хмурые. Их лица не выражают ничего, кроме грусти и раздумий о бытовых делах. Им по барабану, что ты говоришь, где находишься и почему у тебя не застегнута ширинка. Они толкаются, жмутся, пытаются из себя что-то строить, но по итогу люди все одинаковы в конечном смысле своей жизни. Как бы они не старались выказать индивидуальность, реальность смеется над ними и

показывает внимательным, что их особенности – просто мираж.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.